

Иван Евстратиев Гешов

Балканский союз

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Оригинал: *Гешов И.Е.* Балканский союз. Спомени и документи. -- София, 1915

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/other/geshov_ie/index.html

Книга одним файлом: http://militera.lib.ru/memo/0/chm/other/geshov_ie.zip

Иллюстрации: нет

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 542, [2] с.: ил. — (Военно-историческая библиотека). // Тираж 5 000 экз. ISBN 5–17–019625–3 (ООО «Издательство АСТ»); ISBN 5–7921–0615–0 (Terra Fantastica). /// Печатается по изданию: *Гешов И. Е. Балканский союз. Воспоминания и документы, пер. с болг., П., 1915. /// Гешов И.Е. Балканский союз. Спомени и документи. -- София, 1915.*

Автор: Ввиду потрясающих последствий, которые суждено было иметь Балканскому Союзу, мне кажется, что долг его авторов перед своим отечеством, долг их перед человечеством — сказать всю истину о Союзе. Раз опубликованы сами союзные договоры, нет причин, чтобы оставались тайной мотивы, их вдохновившие, переговоры, им предшествовавшие, и события, которые вызвали их крушение. И так как в Софии обсуждались эти договоры, и так как Болгария стала во главе Союза и принесла во имя него больше жертв, чем все остальные союзницы, взятые вместе, думаю, что болгарин, стоявший во главе переговоров, должен первый взять слово и рассказать, что он сделал для Союза, как много потрудился он над его сохранением и как мало, в конце концов, ответственен болгарский народ за его крушение.

Содержание

[От редакции](#)

[Предисловие](#)

[Глава первая. Заключение Балканского союза](#)

[Глава вторая. История начала Балканской войны](#)

[Глава третья. История междусоюзнических отношений во время Балканской войны](#)

[Глава четвертая. Крушение Балканского союза](#)

[Приложение. Болгарские договоры и конвенции с Сербией и Грецией](#)

[Примечания](#)

Эта книга с сайта «Военная литература», также известного как [Милитера](#). Проект «Военная литература» — некоммерческий. Все тексты, находящиеся на [сайте](#), предназначены для бесплатного прочтения всеми, кто того пожелает. Используйте в учебе и в работе, цитируйте, заучивайте... в общем, наслаждайтесь. Можете без спросу размещать эти тексты на своих страницах, в этом случае просьба сопроводить сей акт ссылкой на сайт «Военная литература», также известный как [Милитера](#).

От редакции

Этой книгой редакция «Военно-исторической библиотеки» продолжает публикацию серии работ, посвященных истории локальных войн XX века. Эти конфликты оказались в тени двух мировых войн, однако им было суждено сыграть немалую роль в истории ушедшего века — куда большую, чем это принято считать.

Первые годы нового века, предшествовавшие Первой Мировой войне, отнюдь не были периодом мира и спокойствия, а сама война — трагической неожиданностью. Большую войну ждали, к ней готовились, на нее надеялись. Вслед за англо-бурской и русско-японской войнами, прогремевшими на периферии

«цивилизованного мира», последовал ряд кризисов уже в непосредственной близости от Европы — в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Марокканские кризисы 1905–1906 и 1911 гг., Балканский кризис 1908–1909 гг., итало-турецкая и две Балканские войны — вот краткий перечень столкновений, каждое из которых могло привести к большой войне. В ходе малых войн впервые появились на поле боя военная авиация, броневые автомобили и подводные лодки, ставшие военными символами XX века. При [6] этом возникшие конфликты не разрешались окончательно, а лишь «консервировались» на время, что вело к обострению старых и возникновению новых конфликтов.

В условиях обострившихся противоречий между великими державами нарастала гонка вооружений, наиболее ярко выразившаяся в «дредноутной лихорадке» и англо-германском морском соперничестве. Одновременно с этим шло окончательное формирование будущих коалиций и их главные участники вели сложную политическую игру, пытаясь привлечь к себе новых участников «второго сорта» и занять более удачную стратегическую позицию. Именно это стремление держав Антанты обострить противоречия внутри Тройственного союза спровоцировало в 1911–1913 годах Триполитанскую и Балканские войны, жертвой которых стала одряхлевшая Турция, потерявшая фактически все свои африканские и европейские владения. Характерной особенностью этих войн было то, что они велись с разрешения и под контролем формально нейтральных великих держав, которые определяли границы допустимого для непосредственных участников.

Сотрясаемая восстаниями сепаратистов во всех нетурецких областях и военными переворотами, объявленная международным банкротом, обладающая мало боеспособной армией и антикварным флотом, Османская империя быстро приближалась к тому, чтобы превратиться собственно в Турцию — страну, населенную турками, и не более того. На повестке дня стоял вопрос ее раздела, переговоры о котором между великими державами велись почти открыто.

Первой начала грабеж наследства «больного человека» Италия, стремившаяся создать собственную колониальную империю и избавиться от позора недавнего поражения в Абиссинии. Предъявив по надуманному поводу 28 сентября 1911 года Турции ультиматум и получив отказ, Италия начала военные действия. Преодолев незначительное сопротивление разрозненных арабских и турецких отрядов на побережье, 5 ноября 1911 года Италия объявила о своем суверенитете над Триполитанией и Киренаикой и превратила их в свою колонию — Ливию. [7]

Итальянский флот обстрелял Бейрут и Дарданеллы, а итальянские войска высадились и захватили острова Додеканес в Эгейском море. Военные действия на этом зашли в тупик. Население Сахары продолжало вести вялотекущую партизанскую войну, длившуюся до самого окончания итальянского владычества в 1943 году, турецкий флот укрылся в Мраморном море, а установлению морской блокады турецкого побережья препятствовала Австрия. Младотурецкое правительство в этих условиях медлило с заключением мирного договора с Италией, чтобы хоть немного поддержать свой упавший престиж в глазах населения, и только назревавшая война на Балканах вынудила его пойти на уступки и 18 октября 1912 года подписать мирный договор с Италией. Нападение Италии на Турцию не имело под собой никаких законных оснований, но началось с «благословения» всей Европы, включая и союзников Турции. Так Германия опасалась выхода Италии из Тройственного союза в случае отказа от поддержки итальянских захватнических планов, а Австро-Венгрия была рада отвлечению итальянских «аппетитов» от Адриатики. Державы Антанты видели в этой войне возможность вывести Италию из состава Тройственного союза, что и произошло.

Поражение в войне с Италией лишило Турцию остатков престижа на Балканах и довело до высшей точки напряженности между ней и странами Балканского союза, ставившего своей целью полную ликвидацию турецкого господства на Балканах. 9 октября 1912 года Черногория начала военные действия против Турции. 17 октября в войну вступили Сербия и Болгария, а 18 октября — Греция. Уже 3 ноября турецкое правительство обратилось к великим державам с просьбой о мирном посредничестве, а в декабре Турция заключила перемирие с Болгарией.

Военные успехи Балканского союза поставили перед великими державами ряд сложных вопросов. Правительство России, опасаясь, что занятие болгарскими войсками турецкой столицы поставит вопрос о судьбе проливов в неблагоприятных для него условиях, советовало болгарам остановить свои войска и настойчиво предлагало посредничество в мирных переговорах. Австро-Венгрия, [8] поддерживаемая Германией, не хотела допустить выхода Сербии к Адриатическому морю и начала военные

приготовления на ее границах. По Лондонскому мирному договору (подписан 30 мая 1913 года) Турция потеряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части восточной Фракии.

Недовольная итогами войны, Болгария 29 июня 1913 года объявила войну Греции, Сербии, Черногории и начала военные действия. Вслед за этим, Турция и Румыния объявили войну Болгарии. Война продолжалась меньше месяца и закончилась полным разгромом Болгарии. Уже 10 августа Болгария подписала мирный договор с Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией, а 29 сентября — с Турцией. В результате этой войны значительная часть северной Македонии отошла к Сербии, часть южной Македонии и западная Фракия отошли к Греции, южная Добруджа — к Румынии, а часть восточной Фракии с Эдирне (Адрианопадем) вернулась к Турции. Подобная полупобеда Турции окончательно привязала ее и Болгарию к Тройственному союзу, в то время как Сербия и Румыния стали ориентироваться на Антанту.

Предисловие

17 сентября 1912 года событие, составившее целую эпоху, потрясло всю Европу. Разъединенные до тех пор христианские балканские государства впервые выступили в качестве союзников, впервые объявили общую мобилизацию с целью решить вековую проблему. И употребили они совместно много упорных, но безрезультатных усилий, чтобы заставить и Турцию помочь в решении этой проблемы и добиться от нее введения в ее европейских областях столь необходимой для мира на Балканах этнической автономии. Все было, однако, напрасно. 5 октября, после того как Высокая Порта объявила им войну, прибегли и они к силе оружия.

И свершилось чудо, которого немногие ожидали. В течение одного месяца Балканский Союз сломил Оттоманскую Империю. Маленькие государства с населением в 10 миллионов разбили великую державу [324] с двадцатипятимиллионным населением. Союз и победы были встречены с восторгом всеми друзьями мира и свободы. Миллионы европейцев должны были стать свободными, мир должен был избавиться от мучительного кошмара. Турки были загнаны в Царьград и Малую Азию. Восточный вопрос переставал служить источником раздоров и опасностей.

И санкционировалось это решение вопроса Лондонским договором 17 мая 1913 года. Балканская война закончилась, как и началась, чудом: из рук турок было вырвано столько областей, сколько не могла вырвать из их рук ни одна из победоносных войн великих держав против султана.

Но когда пришло время решить судьбу этих областей, Союз, из-за упрямых шовинистов среди союзных народов, пал под ударами нечестивой братоубийственной войны. Он рухнул месяц спустя после своего апофеоза в Лондоне. И вдохновились все те, которые испугались было его успехов. Миротлюбивые до тех пор, они стали воинственными. И действительно, 10 августа 1913 года, как это видно из раскрытий, сделанных г. Джиолитти, Австрия предложила Италии войну против Сербии, а 22 ноября 1913 года французский посланник в Берлине, г. Жюль Камбон, писал своему правительству, что и император Вильгельм II перестал быть сторонником мира — *a cesse d'etre partisan de la paix*.

Ввиду потрясающих последствий, которые суждено было иметь Балканскому Союзу, мне кажется, что долг его авторов перед своим отечеством, долг их перед человечеством — сказать всю истину о Союзе. Раз опубликованы сами союзные договоры, нет причин, чтобы оставались тайной мотивы, их вдохновившие, переговоры, им предшествовавшие, и события, которые вызвали их крушение. И так как в Софии обсуждались эти договоры, и так как Болгария стала во главе Союза и принесла во имя него больше жертв, чем все остальные союзницы, взятые вместе, думаю, что [325] болгарин, стоявший во главе переговоров, должен первый взять слово и рассказать, что он сделал для Союза, как много потрудились он над его сохранением и как мало, в конце концов, ответственен болгарский народ за его крушение. [326]

Глава первая. Заключение Балканского союза

Призванный 11(24) марта 1911 года занять пост министра-председателя и министра иностранных дел, я счел своей первой обязанностью, в качестве руководителя болгарской политики, заняться злополучным Македоно-Одринским вопросом, который со времени Берлинского конгресса непрестанно терзал Болгарию. Всем известно мнение Горчакова относительно этого конгресса. Для канцлера Императора Александра II этот конгресс был самой черной страницей в его жизни. Этот конгресс был не менее черной страницей и в жизни болгарского народа. Объединенный в рабстве, освобожденный Россией, наш народ дождался своего освобождения, санкционированного Европой, но заплатил за это освобождение ценой своего единства...

Берлинский договор разделял Сан-Стефанскую Болгарию на три части: вассальную Болгарию, автономную Восточную Румелию и оставленную под турецким игом [327] Македоно-Одринскую область. После соединения Восточной Румелии с Болгарией эта последняя имела только один идеал — восстановление Сан-Стефанской Болгарии или, если эта мечта была неосуществима, по крайней мере добиться для Македоно-Одринской области автономии, которая, гарантируя ее жителям человеческое управление, избавляла бы тем самым Болгарию от забот и опасностей, причиняемых ей македоно-одринской анархией. Эти заботы и опасности были столь многочисленны и столь угрожающи, что от них страдало спокойствие и развитие Болгарии и даже сама ее будущность могла быть скомпрометирована их пагубным действием.

И для министра-председателя не было долга более повелительного, как найти средства для решения этой проблемы, столь сокрушительно тяготевшей над судьбами болгарского государства и болгарского племени.

Очевидец ужасов болгарского восстания 1876 года и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, отчасти описанных мною в рапортах английскому и американскому представителям, в письмах в лондонском «Times» и в моих «Записках осужденного», поклонник догмата, сформулированного одним французским публицистом, а именно: что лучшая политика для человека — это политика пламенно-миролюбивого патриотизма и благоумно-патриотичного миролюбия — *un patriotisme ardemment pacifique et un pacifisme prudentement patriotique*, — я до 1912 года был самым горячим поборником мира в Болгарии. В своих речах и статьях я не переставал проповедовать крайнее благоумие и рекомендовал заботливо избегать всяких авантюр, которые могли бы впутать Болгарию в войну с Турцией. И в мемуаре по македонскому вопросу, поданном мною в конце 1906 года сэру Эдуарду Грею, я восхвалял свое отечество именно за то, что оно одно среди балканских государств не нарушило мира на Балканах. И когда осуществление дела, о котором я хлопотал в этом мемуаре, было затруднено младотурецким переворотом 1908 года, я все же не потерял надежды, — и идея [328] прямого соглашения с младотурками занимала меня долгое время до и после того момента, когда в марте 1911 года я стал у власти.

Вскоре, однако, новый режим в Турции стал разочаровывать всех нас. Младотурки по части истребления чужих элементов не отстали от старотурок и даже от самого Абдул-Гамида.

Возмутительное избиение в Адане и отвратительная безнаказанность его интеллектуальных виновников были в состоянии потрясти всех сторонников мирного разрешения того снопа этнических вопросов, который носил имя Восточного вопроса. Но я все же думал, что после того, как македонцы столь бескорыстно помогли младотуркам в апреле 1909 года во время устроенной старотурками контрреволюции, и после того, как неприятный для младотурок демократический кабинет в Болгарии сменился правительством со мной во главе, — что после всего этого мы могли бы ожидать от турок политики, которая вполне соответствовала бы нашим желаниям искренне попытаться войти в соглашение с Турцией. Тем более что я, нарочно с этой целью, повторил сделанные мною раньше миролюбивые заявления^{1}.

Вопрос о таком именно соглашении я подробно обсуждал с известным пацифистом, покойным В. Т. Стедом, которому прошлой весной воздвигнут памятник в [329] самом Дворце Мира в Гааге. Он был таким добрым нашим другом и поклонником Гладстона, что ему были завещаны документы великого болгаролюбца, касающиеся [330] избиений 1876 года. Из ярого противника Абдул-Гамида, каким я знал его еще в 1879 году, когда мы встречались с ним в Лондоне, г. Стед стал приятелем младотурок и летом 1911 года посетил Царьград и Македонию с целью изучить и защитить их дело. И несмотря на то что после, при объявлении итало-турецкой войны, он выступил в качестве горячего защитника Турции, к моему удивлению, когда я видался с ним в Софии в августе 1911 года, он советовал мне не спешить с

соглашением. И у него уже начиналось разочарование в младотурках, разочарование, которое позже в крупных размерах охватило многих государственных деятелей, в том числе, покойных Эренталю и Кидерлен-Вехтера. Этот последний поразил меня строгой критикой младотурецкого режима, когда мы встретились с ним в конце мая 1912 года. Как бы то ни было, летом 1911 года я продолжал разговоры о соглашении с тогдашним турецким посланником в Софии Асым-беем. Казалось, что он был согласен со мной; осуждал младотурецкий комитет за его близорукую политику по отношению к болгарам; говорил, что сам поедет в Битоль и в Солунь, а на обратном пути оттуда и в Адрианополь, чтобы повидаться лично с местными турецкими управителями, сделать им хорошее внушение и начать с ними новую тактику. Но [331] прежде чем он успел совершить это путешествие, он был отозван в Царьград, где занял пост министра иностранных дел. Италия в это время уже объявила войну Турции, и в интересах этой последней было сохранять добрые отношения с Болгарией. Ничего удивительного, следовательно, не было в том, что, уезжая из Софии в Царьград, Асым-бей сделал моему временному заместителю г. Теодору Теодорову — я был тогда в Виши — самые категорические заявления в смысле болгаротурецкого соглашения. К сожалению, за исключением мертворожденного предложения о соглашении [2] — я [332] называю его мертворожденным, потому что не только оно во втором своем пункте, было для нас неприемлемым, но еще и потому, что ни Асым-бей, ни Наби-бей, турецкий посланник в Софии, ни единым словом не обмолвились о нем, — за исключением, говорю, этого предложения, турецкий министр иностранных дел не сделал ничего для начала новой политики по отношению к Болгарии. Напротив. Не только участились пограничные инциденты, столь возбуждавшие общественное мнение в Болгарии, но избиения в роде Щипского и Кочанского, убийства и грабежи, истязания и преследования, систематическое издевательство над болгарскими солдатами в турецкой армии, — все это до такой степени увеличило число молодых болгар, бежавших из Македонии и Адрианопольского вилайета, что даже наиболее миролюбивые болгарские политические деятели должны были быть потрясены и спросить себя, не было ли все это результатом планомерного намерения младотурок обезлюдить и обесхристианить Македонию и Адрианопольский вилайет и таким радикальным путем решить македоно-одринский вопрос. Это подозрение еще больше усилилось у тех, кто имел возможность прочесть официальные рапорты, как, например, рапорт нашего битольского консула. В нем доносилось, что д-р Назим-бей, идеолог младотурецкой партии, в своей речи, обращенной к турецким нотаблям в Водене, сказал, что если младотурки получат поддержку на выборах, то через 30–40 лет в Македонии не останется ни единого христианина. Эту речь слышал г. Виганд, секционный инженер железнодорожной линии Солунь — Битоль. И можно ли было сомневаться в возможности подобного истребления, видя, как быстро уменьшалось болгарское население в Македонии и Адрианопольском вилайете в первые десять лет нынешнего столетия? Не [333] писал ли из Солуни наш генеральный консул г. Шопов еще в сентябре 1910 года, что, вне всякого сомнения, «из всего, чем мы обладали в европейских вилайетах пятнадцать лет тому назад, мы потеряли четверть»? Болгары в Македонии, которые, по достоверным сведениям («Temp» № 15950, февр. 1905 г.), составляли в круглых цифрах 1 200 000 чел., в 1911 году, согласно письму того же г. Шопова, составляли едва 1000000 душ. Нашлись, правда, люди, которые оспаривали это уменьшение, особенно после речи г. Панчо Дорева в турецком парламенте, речи, которой он хотел, по мнению его противников, уменьшить значение болгарского элемента в Европейской Турции и таким образом облегчить младотуркам их оттоманизаторскую задачу. Для того, чтобы добраться до истины по этому вопросу, я командировал в Царьград гг. Кирилла Попова, директора статистики, и Д. Мишева, чтобы они изучили этот вопрос в самом Экзархате. Прочитав их рапорт, я пришел к печальному заключению, что болгарское население действительно значительно уменьшилось. Истребительная политика младотурок довела македонских болгар до такого отчаяния, что они, судя по рапорту г. А. Шопова из Солуни от 28 февраля 1912 г., открыто говорили, что предпочли бы все что угодно этому невыносимому ярму. «Только бы выйти, — говорили они, — из этого ужасного, невыносимого положения, а потом пусть придет, кто хочет! Хуже этого не может быть!»

Мог ли государственный деятель, ответственный за судьбы болгарского народа, оставаться хладнокровным при подобном явлении, при турецкой угрозе, что будут приняты меры для усиления репрессий и для истребления болгарского элемента в Македонии? Моей обязанностью было изучить серьезно все меры, которые могли бы поставить Болгарию в возможность положить предел подобному истреблению. Первой среди этих мер было соглашение, но уже не с Турцией, которая, очевидно, была против подобного соглашения, а с другими нашими соседями. Задача подобного соглашения облегчалась [334] единодушием, с которым болгарское общественное мнение встречало такие манифестации, как, например, встреча сербских и болгарских экономистов и посещение болгарскими студентами Афин (апрель 1911 г.). Она облегчалась, кроме того, и секретным договором, который сербы подписали с нами еще в 1904 г., а также и попытками, которые и при наших предшественниках-демократах, и в первые

шесть месяцев моего пребывания у власти сербы делали для заключения оборонительного и наступательного союза.

I. Болгаро-сербский договор

Об этих попытках заключить соглашение с сербами мы говорили с г. Д. Ризовым, который в свое время уже подписал договор с Сербией в 1904 г., когда он был послан в качестве болгарского делегата в Белград. Мы говорили с ним в первых числах сентября, когда он был в отпуску в Софии. И мы согласились, чтобы он поговорил с г. Миловановичем, бывшим тогда министром-председателем и министром иностранных дел Сербии, и подготовил бы встречу между мной и г. Миловановичем, когда я буду возвращаться из Виши. Я собирался туда ехать после выборов в XV Обыкновенное народное собрание.

Выборы состоялись 4 сентября, и я выехал в Виши 7-го. Но, едва приехав, я был неожиданно поражен критическим положением, в которое вступили отношения между Италией и Турцией. С быстротой молнии эти отношения обострились до такой степени, что 16 сентября была уже объявлена война, и я сейчас же протелеграфировал моим коллегам в Софию, что выезжаю в Болгарию, но что я считаю необходимым остановиться в Париже и в Вене, чтобы повидаться с министрами иностранных дел. Вот заметки, которые я тогда же составил об этих моих свиданиях: [335]

Г-н де Сельв принял меня в среду 21 октября (4 ноября) 1911 г., в 2 1/2 часа. Граф Эренталь — в субботу в 3 часа. Как г-ну де Сельву, так и г-ну Эренталю я предложил два вопроса: 1. Будет ли локализована и скоро ли кончится война? 2. Не предвидятся ли осложнения с турецкой стороны, или вследствие экзальтации, фанатизма и взрыва турецкого шовинизма, или вследствие негодования против младотурок и повторения контрреволюции апреля 1909 года? Оба собеседника ответили утвердительно на первый вопрос. Да, война будет локализована; да, она окончится скоро. Г-н де Сельв думает, что Италия согласится заплатить за Триполитанию какое-нибудь вознаграждение. Она согласится признать сюзеренитет султана. Он не может сказать положительно, но во всяком случае думает, что Италия будет очень уступчива, если турки начнут переговоры сейчас же после оккупации Триполитании. Естественно, эта оккупация должна произойти для того, чтобы Италия могла начать переговоры. Граф Эренталь еще не читал тогда интервью, данного Хельми-пашой о продолжительности войны. Когда я обратил его внимание на это интервью и сказал ему, что Хольми-паша думает, что война будет продолжительной, граф Эренталь перебил меня. «Но где они хотят вести войну? — сказал он. — На суше? На море? Ни одно ни другое невозможно, и я надеюсь, что турки согласятся на мир». Что же касается условий, будет ли дано вознаграждение, будет ли признан сюзеренитет султана — граф Эренталь ничего не знает.

Что касается второго вопроса — опасности со стороны Турции, — то г-н де Сельв допускает эту опасность, а граф Эренталь не допускает ее. Этот последний верит, что младотурецкий кабинет, являясь единственной организованной силой в Турции, скорее выиграет, чем проиграет от настоящего положения и что у него хватит силы наложить свою волю. Я ответил ему, что перед войной он много потерял и что я не вижу у него достаточно авторитета, достаточно престижа, чтобы победить [336] страсти, возбужденные новой неудачей младотурецкого режима. Во всяком случае, и в ответ на замечание графа Эрентала о его надежде на то, что мы будем следовать примеру великих сил и сделаем все возможное для сохранения мира, я обратил его внимание, как сделал это и по отношению к г-ну де Сельву, что опасность на Балканском полуострове представляет не Болгария, а Турция. Великие державы знают нашу миролюбивую политику, и, несмотря на то что младотурки не ответили на эту нашу политику взаимностью, мы не отклонимся от нее, если интересы Болгарии не потребуют этого.

Г-ну де Сельву я сказал, что так как я выполнил уже две дипломатических миссии во Франции, то я научился ценить просвещенные советы, постоянно сопровождаемые выражением симпатий к нашей стране, советы, которые французское правительство так щедро нам давало. И я рассказал ему об этих моих миссиях в 1879 и 1885 годах. Во время последней я имел честь быть принятым г-ном де Фрейсинэ и обсуждать с ним важный тогда вопрос о соединении. Г-н де Сельв сказал мне, что он разделяет симпатии своего дяди к Болгарии и что он восхищается болгарским царем. В разговоре он спросил меня, ликвидирован ли уже маленький вопрос о вознаграждении одного француза. Я ответил ему утвердительно. Граф Эренталь говорил мне о торговых переговорах, выражая надежду, что с этим вопросом мы сможем скоро покончить. Он также говорил мне и о посещении его величества Царя в следующих выражениях: «Во время визита, который его величество Ваш Царь сделал этим летом, был поднят вопрос о посещении Им его величества Императора. Я обещал Ему, что испрошу приказаний его

величества Императора и поспешу предупредить его величество Царя. Но так как здоровье его величества Императора нуждается в поправке, я был принужден телеграфировать графу Тарновскому, чтобы он предупредил г-на Добровича, что этой осенью вообще не будет посещений». [337]

В Вене меня ждал г-н Ризов, который, получив вторичные инструкции от моего заместителя в Софии г. Т. Тодорова, остановился в Белграде и условился с г-ном Миловановичем относительно нашей встречи. Ждал меня там и г-н Станчов, сообщивший мне, что царь был в своих имениях, что он в курсе всего того, что мы приготавливаем, и что он хочет выслушать меня прежде, чем я поеду. У нас было несколько заседаний с нашими полномочными министрами. И после длинного доклада, сделанного г-ном Ризовым о его встречах в Белграде, мы согласились относительно пунктов нашего соглашения с сербами и составили по этим пунктам следующую *Pro memoria*.

Нелишним будет отметить, что 1-й пункт о нападении кого бы то ни было на Сербию и Болгарию и о возможной попытке со стороны Австрии написаны самим г-ном Ризовым и что (2), предлагая принять за разграничительную линию границу Скопского санджака, мы уступали сербам и Велесскую казу, входившую в указанный санджак, и что, наконец, тогда не существовало еще вопроса об *арбитраже*.

Pro memoria

1. Должен быть возобновлен наш договор от 1904 г. *mutatis mutantibus*, т. е. вместо реформ мы должны требовать автономию Македонии и, при невозможности осуществить ее, разделить Македонию.

2. Максимальная уступка по разделу:

а) река Пчина на восток от Вардара до ее истоков;

б) — границы Призренского и Скопского санджаков к западу от Вардара.

3. Предвиденный *Casus foederis*:

а) нападение кого бы то ни было на Сербию и Болгарию;

б) нападение со стороны Турции на одно из балканских государств; [338]

в) возможная попытка со стороны Австрии оккупировать Македонию или Албанию;

г) внутренние беспорядки в Турции, опасные для мира и тишины на Балканском полуострове;

д) если интересы Болгарии и Сербии потребуют ликвидации вопроса.

4. Условием *sine qua non* для договора, заключенного на вышеуказанных основаниях, является участие России.

5. Участие в нем Черногории.

После того как царь в аудиенции, данной мне в вагоне между Одербергом и Веной, одобрил эту программу, я выехал из Вены 28 сентября и вечером имел с Миловановичем встречу, о которой подал потом следующий рапорт царю и министерскому совету:

Мы выехали, г-н Милованович и я, из Белграда 28 октября (11 ноября) в 11 1/2 ч. ночи, прибыли в 2 1/2 ч. ночи в Лапово, и там министерский вагон, в котором мы ехали, должен был быть отцеплен от поезда и мы должны были распрощаться. В течение трех часов, проведенных нами вместе, мы коснулись всех вопросов, интересующих обе стороны, начиная с итало-турецкой войны и младотурецкого режима.

Говоря об этом режиме, г. Милованович сказал мне, что граф Эренталь потерял уже всякую надежду на то, чтобы режим этот мог возродить Турцию. Несколько месяцев тому назад — минувшей весной — он-

де высказался против этого режима и в пользу автономной Албании, которая должна была помочь разрешению великого балканского вопроса. Г-н Милованович снова настаивал на опасности, которую такая Албания, простираясь до болгарской границы и включая два вилайета — Битольский и Скопский — будет представлять для славян на Балканском полуострове. По мнению г-на Миловановича, албанцы, по большей частью мусульмане, обладая присущим всем мусульманам недостатком, а именно: неумением основать цивилизованное государство, обречены на участь всех мусульманских [339] народов, на судьбу Алжира, Туниса, Марокко и Триполитании. Единственным разрешением вопроса при окончательной ликвидации Турции является присоединение северной части Албании к Сербии, а южной — к Греции.

Как только был поднят вопрос о ликвидации Турции, г. Милованович пустился в длинные рассуждения о настоящем и будущем наших стран. Он думает, что в настоящее время ничего нельзя сделать, что все державы решили локализовать войну и не допускать никаких осложнений на Балканском полуострове и что мы должны сидеть смирно. Сербия не двинется ни в коем случае, тем более, что он думает, что война между Турцией и каким-нибудь из балканских государств скорее укрепила бы, чем ослабила младотурецкий режим. Нужно подождать конца этой войны и обеспечить за собой поддержку России. Без этой поддержки нельзя и не нужно ничего предпринимать. Однако, прежде чем мы обратимся за ней, мы должны согласиться между собой, заключить договор в трех экземплярах и один из них вручить России.

Casus foederis должны быть следующие:

1. Абсолютно оборонительный союз против всякого, кто атаковал бы Болгарию или Сербию.
2. Оборонительный союз против того, кто попытался бы занять части Балканского п-ва, которые будут перечислены: Македония, Старая Сербия и пр.
3. Наступательный союз против Турции с целью: 1) освободить Македонию и Старую Сербию при обстоятельствах, которые будут считаться благоприятными для обеих сторон; 2) прекратить анархию и резню в провинциях, в которых затронуты жизненные интересы одной из обеих сторон.

Я заметил г-ну Миловановичу, что если наш опыт освободить Македонию и Старую Сербию примет вид [340] присоединения, то наша задача вследствие мнительности наших соседей станет весьма трудной. Он согласился со мной, что было бы лучше потребовать для этих провинций автономии, хотя и это решение не особенно ему нравилось. Он настаивал на разделе освобожденных провинций, замечая, что есть области, которые не могут быть предметом спора между нами. Адрианополь должен принадлежать Болгарии, как Старая Сербия, к северу от Шарры, должна быть сербской. Что касается Македонии, то большая ее часть будет болгарской. Но часть северной Македонии должна быть дана Сербии, и лучше всего, если этот раздел будет предоставлен арбитражу русского императора. «Не будем проводить никакой разграничительной линии теперь, — сказал он мне. — Таким образом вы не подвергнетесь упрекам в том, что согласились на предварительный раздел Македонии. Когда наступит момент, и когда ваши соотечественники сделают так, что вы получите львиную часть, никто не возразит против той маленькой части Македонии, которую русский император, под чьим покровительством и возвышенным чувством справедливости совершится это великое дело, даст Сербии. О да! Если бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния — Трансильванию, и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией».

И царь, и министерский совет одобрили установленные мной и Миловановичем основы для обсуждения и уполномочили меня вступить в формальные переговоры с Сербией по заключению оборонительного и наступательного союза с ней. И я поторопился начать эти переговоры, потому что положение, которое я застал в Софии, возвратившись из Виши, было чрезвычайно угрожающее, чтобы не сказать — критическое. Мои коллеги по министерскому совету, испуганные сведениями, полученными ими из Адрианополя о том, что турки мобилизуются [341] против нас, серьезно поставили в порядок дня вопрос и о нашей мобилизации против турок.

Их воинственность была для меня настоящим откровением. Пораженный этой воинственностью, я задавал самому себе вопрос: если мои товарищи, столь осторожные и экономные, не могут больше терпеть турецкой провокации и готовы истратить десятки миллионов, чтобы вразумить турок, то чего же

мы должны ждать от остальных моих соотечественников, от общественного мнения? И действительно, последнее было столь взволнованно, все газеты в том числе и неопозиционные «День» и «Речь», были так воинственны, что один известный иностранный корреспондент писал обо мне, что я, очевидно, не дорос до своего поста, если вместо того, чтобы воспользоваться кризисом, сделал, напротив, все возможное, чтобы его предотвратить. Я действительно отстранил этот кризис своими выступлениями перед правительствами держав, но в то же время я решил непременно заключить союз и с Сербией, и с Грецией, потому что итало-турецкая война, которая в самом своем начале так обострила наши отношения с Турцией, могла таить в себе судьбоносные для Болгарии неожиданности. Самое элементарное благоразумие требовало, чтобы я, в качестве руководителя болгарской дипломатии, подготовил с Сербией и Грецией союзы, которые были необходимы, чтобы мы могли противостоять нападению со стороны турок — после исчезновения Абдул-Гамида *guerre preventive*, такая, какую рекомендовал Бисмарк, была с их стороны более чем вероятна, — и чтобы мы могли еще в случае катастрофы с Турцией защитить свои права и права наших сонародников в ней. Мы тем более должны были заключить подобные соглашения, что мы не были уверены, не существует ли между Турцией и Румынией союза, который был оповещен в августе 1910 года, и потому, что в случае нашей войны с Турцией мы рисковали, что сербы и греки вмешаются в эту войну при условиях, гораздо более неблагоприятных для нас, чем [342] если мы вступим в соглашение с ними. Кроме того, глубоко убежденный в необходимости взять из рук повстанческого комитета македонский вопрос, как Кавур взял из рук итальянских революционеров вопрос об объединении Италии, я вступил в переговоры с сербами. С их стороны ведение переговоров было возложено на г-на Спалайковича, сербского полномочного министра в Софии, а с нашей стороны царь и министерский совет уполномочили меня, причем я обязался советоваться по разным вопросам с г-ном Даневым, как вторым представителем второй партии в нашей коалиции, и с г-ном Т. Тодоровым и генералом Никифоровым, как министрами финансов и военным.

Первое требование сербов было не таково, чтобы вдохнуть в нас большую надежду на умеренность сербского правительства. Вопреки уверениям г-на Ризова, они заговорили повышенным тоном. По статье 3, пункту 3 их проекта, они сохраняли за собой право объявлять войну без нашего согласия, а в ст. 4 не только не вспомнили ничего об автономии Македонии, но предлагали, чтобы весь Солунский и весь Битольский вилайеты были предоставлены арбитражу России. Вот эти статьи 3-я и 4-я:

Ст. 3. В случае, если одна из договаривающихся сторон, находя, что положение в Турции требует и что условия в Европе благоприятны, обратится к другой стороне с предложением активно выступить для освобождения болгар и сербов из-под турецкого ига, приглашенная сторона сейчас же отзовется на это приглашение, вступая немедленно в обмен мнениями и в переговоры.

Если соглашение об активном выступлении будет достигнуто, выступление начнется, как это будет установлено в соглашении, а если останутся необговоренные в самом соглашении вопросы, то обе стороны во всем будут воодушевляться чувствами приятельства и взаимных интересов. В противном случае будет прибегнуто к мнению России. Если Россия выскажется, то в [343] тех пределах, в которых она сделает это, ее мнение будет обязательно для обеих сторон. Если же Россия не пожелает высказать своего мнения и если соглашение между договаривающимися сторонами даже и после этого не могло бы быть достигнуто, то в таком случае, если сторона, настаивающая на активном выступлении, предпримет это выступление против Турции на свою ответственность, другая сторона будет обязана сохранять приятельский нейтралитет по отношению к своей союзнице, прибегнуть сейчас же к мобилизации в размерах, предусмотренных в военной конвенции, и прийти всеми своими силами на помощь своей союзнице, как только какое-нибудь третье государство станет на сторону Турции.

В случае, если одна сторона решится вступить в войну с Турцией с целью прекращения анархии и общей резни, каковы бы возникли бы в пограничных с ней местностях, где ангажированы ее жизненные государственные и национальные интересы, и когда станет ясно, что Турция сама не в состоянии прекратить это положение, другая сторона обязана после мотивированного призыва своей союзницы одновременно с ней объявить войну Турции.

Ст. 4. Все территориальные приобретения, которые одна или другая сторона или обе стороны вместе в случаях, предусмотренных в ст. 1, 2 и 3, получают путем войны с Турцией, представляют совместное приобретение обеих сторон.

Сербия признает уже теперь и предварительно за Болгарией полное и исключительное право на территорию Адрианопольского вилайета, а Болгария за Сербией — такое же право на Скутарийский вилайет и на ту часть Косовского вилайета, которая расположена к северу от Шарры.

Что касается той части Косовского вилайета, которая расположена к югу от Шарры, так же как Солунского и Витольского вилайетов, то обе стороны соглашаются ходатайствовать перед Е. И. В. русским царем, [344] чтобы он, в качестве верховного судьи, чьему приговору обе стороны предварительно и безусловно покоряются, определил, какая часть этой территории должна быть отдана Болгарии и какая — Сербии.

В ответ на сделанные мною возражения г. Спалайкович 24 октября 1911 г. предложил приведенные выше статьи 3-ю и 4-ю изменить следующим образом:

Ст. 3. В случае, если в Турции наступят внутренние беспорядки, опасные для государственных или национальных интересов договаривающихся сторон или одной из них, как и в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, которые обрушились бы на Турцию, на Балканском полуострове возник бы вопрос о сохранении status quo, то та из обеих сторон, которая первой уверилась бы, что вследствие этого необходимо прибегнуть к вооруженному выступлению, обращается с мотивированным предложением к другой стороне, и эта последняя должна сейчас же вступить в обмен мыслями и если не согласится со своей союзнице, то должна дать ей мотивированный ответ.

Если же будет достигнуто соглашение о выступлении, то оно сообщается России, и если эта последняя не воспротивится, выступление начинается согласно достигнутому соглашению и воодушевляясь во всем чувствами солидарности и взаимности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, прибегнуть к мнению России. Если Россия выскажется, то ее мнение по этому вопросу будет обязательно для обеих сторон. Если же Россия не пожелает высказать своего мнения и если соглашение между договаривающимися сторонами даже и после того не могло бы быть достигнуто, то тогда если сторона, настаивающая на выступлении, предпримет это выступление против Турции на свою ответственность, другая сторона будет обязана сохранять приятельский нейтралитет по отношению к своей союзнице, предпринять сейчас же мобилизацию в размерах, предусмотренных в военной конвенции, и прийти всеми силами своими на помощь [345] своей союзнице, как только какое-нибудь третье государство станет на сторону Турции.

Ст. 4. Все территориальные приобретения, которые одна или другая сторона или обе стороны вместе в случаях, предусмотренных в ст. ст. 1, 2 и 3, получают путем войны с Турцией, представляют совместное приобретение обеих сторон.

Сербия признает уже теперь и предварительно за Болгарией полное и исключительное право на территорию Адрианопольского и Солунского вилайетов, а Болгария за Сербией такое же право на Скутарийский вилайет и на ту часть Косовского вилайета, которая расположена к северу от Шарры.

С сербской стороны заявляется, что Сербия не имеет никаких претензий дальше линии, которая, начинаясь у болгаро-турецкой границы при Голема — Планина, пройдет по реке Врегалнице до ее впадения в Вардар и, перейдя на правый берег Вардара, пойдет прямо на юг от Прилепа и дойдет до Охридского озера между Охридом и Стругой, причем оставит Прилеп, Крушево и Стругу за Сербией, а Охрид — Болгарией.

С болгарской стороны заявляется, что Болгария признает за Сербией право на границу, которая, начинаясь от болгаро-турецкой границы у горы Довалица (Ожегове), проходит по р. Волна до ее впадения в р. Вардар, идет по границе Скопского санджака до горы Караджицы, а оттуда, по кратчайшей линии, в направлении между Кичево и Крушево до Охридского озера, так что Кичево и Струга останутся сербскими, а Охрид — болгарским.

И одна и другая стороны будут ходатайствовать перед Е. И. В. русским царем, чтобы он благоволил осведомиться об их точках зрения, прежде чем примет решение согласно ст. 4., пункту 2 настоящего договора.

Как читатели заметили, если по статье 3-й давалось нам некоторое удовлетворение, то в статье 4-й не только не говорилось ни слова об автономии Македонии, но создавались в этой последней области три зоны: беспорная [346] сербская, спорная, предоставленная арбитражу русского императора, и беспорная болгарская. Я восстал и против этого дележа, и против бойкота самой идеи автономии Македонии. Мои новые возражения были сообщены г. Миловановичу, но не встретили скорого удовлетворения. И так как он ехал тогда с королем Петром в Париж, я делегировал к нему гг. Д. Станчова и Д. Ризова, с которыми мы заранее выработали пункты возможного для нас соглашения с сербами. Гг. Станчов и Ризов должны были убедить г. Миловановича принять наши требования. Из следующего рапорта видно, как была выполнена ими эта миссия.

«Париж, 7 (20) ноября 1911 г.

Лично, секретно.

Господин Министр-Председатель

Имеем честь доложить Вам о том, как мы исполнили возложенное на нас поручение повидаться и переговорить с сербским министром-председателем г-ном Миловановичем относительно обсуждавшегося соглашения между Болгарией и Сербией.

При первой встрече с г-ном Миловановичем, на галапредставлении в опере, данном в честь Его Величества Сербского Короля, 5(18) этого месяца, Станчов заявил сербскому министру-председателю, что Его Величество Царь и министр-председатель г-н Гешов находятся в отчаянии (desoles) от предложений, привезенных г-ном Спалайковичем из Белграда относительно обсуждавшегося соглашения между Болгарией и Сербией. Они остались поражены изменениями, которые Сербия желает внести в это соглашение, отстраняя идею об автономии Македонии и изменяя географическую границу своих претензий в этой стране (обозначив своей границей реку Брегалницу на восток [347] от Вардара, охватывающую город Велес, вместо реки Пчина, и соответствующую ей линию на запад от Вардара, охватывающую города Прилеп, Крушево, Кичево и Стругу — вместо нынешних южных границ Скопского и Призренского санджаков), потому что при наличии этих изменений (границ) Его Величество и министр-председатель г-н Гешов считают невозможным соглашение между Болгарией и Сербией. Это свое заявление Станчов сделал в сжатой форме, так как не располагал в sercl'e оперы нужным для этого временем и не мог начать более продолжительного разговора, не вызвав подозрения со стороны других дипломатов; но Станчов успел дать понять г-ну Миловановичу, что вопрос крайне серьезен и заслуживает нового и тщательного изучения со стороны сербов.

Это заявление поразило г-на Миловановича и заставило его попросить свидания для обмена мнениями по данному вопросу. Тогда Станчов предупредил г-на Миловановича, что г. Ризов приехал с этой целью из Рима, и что желательно, чтобы этот обмен мыслями состоялся «между тремя», — потому что болгарское правительство считает г. Ризова лицом компетентным в вопросах, связанных с Македонией, тем более, что самый этот обмен мыслями явился бы продолжением переговоров, которые он, Ризов, вел с г-ном Миловановичем в Белграде 19 и 20 сентября с. г. (Последний разговор происходил в присутствии лидеров обеих фракций радикальной партии, гг. Пашича и Стояновича). Г-н Милованович согласился прийти в царское Посольство для более продолжительного разговора (conversation) на другой день, 6 (19) ноября, в 10 ч. утра.

Здесь уместно сделать небольшое отступление в скобках, чтобы сообщить Вам о характерной фразе, сказанной французским министром иностранных [348] дел г. де Сельвом. Когда г. Милованович и Станчов вели указанный выше разговор в опере, г-н де Сельв, проходя мимо них, сказал им с улыбкой на устах: «Прохожу мимо вас не для того, чтобы вас разъединить» (desunir). Станчов дополнил мысль г-на де Сельва следующим замечанием: «Mais pour nous unir et benir», на что г-н де Сельв ответил: «Oui, oui, pour vous benir; vous faites, vous taillez de la besogne».

Впоследствии г-н Милованович объяснил нам смысл этого замечания, рассказав нам, что он беседовал с г-ном де Сельвом о возможном соглашении между Болгарией и Сербией и сказал ему, что 400 000 солдат-союзников могли бы гарантировать Балканы от всякого чужого нашествия. Г-н Милованович встретил у г-на де Сельва полное одобрение своего плана.

Вчера г-н Милованович пришел в наше посольство, и между ним и нами имел место нижеследующий разговор, начатый г. Станчовым следующими словами:

Первоначальный болгаро-сербский разговор о желаемом обеими сторонами соглашении предвидел арбитраж русского императора относительно следующей географической границы, представляющей крайнюю уступку со стороны Болгарии:

Река Пчина, как граница на восток от Вардара, а южные административные границы Скопского и Призренского санджаков, как граница на запад от Вардара; но при предварительном условии, что до этого дело дойдет только в том случае, если предполагаемая автономия Македонии окажется неосуществимой или непрочной.

Привезенные же г-ном Спалайковичем из Белграда изменения устраняют совсем идею об автономии и предоставляют арбитражу русского императора только новую географическую границу сербских претензий в Македонии, каковая граница [349] проходит: на восток от Вардара по реке Брегалнице, а на запад по соответствующей ей линии достигающей Охридского озера при Струве.

Больше того: из этих сербских изменений вытекает, что должна считаться уступленной Сербии «*ab initio*» (без арбитража) обозначенная со стороны Болгарии географическая граница плюс треугольник, образуемый по прямой линии от горы Караджицы до Струги.

Понятно, закончил Станчов, что такие изменения не могут быть приняты болгарским правительством, которое могло бы еще допустить, как свою последнюю уступку, упомянутую выше границу, обозначенную им, плюс треугольник, на который теперь претендуют сербы, но только непременно при двух предварительных условиях: что эта уступка будет предоставлена арбитражу русского императора, причем обозначенная Болгарией граница будет считаться крайней болгарской уступкой; дополнительный же к ней треугольник — крайней сербской претензией и что вопрос об автономии Македонии все-таки останется преюдициальным.

Станчов добавил, что ни о какой географической уступке «*ab initio*» не может быть и речи и что арбитраж русского императора должен быть обязателен по этому вопросу.

А Ризов добавил, что арбитраж русского императора необходим для обоих правительств, как прикрытия от общественных мнений, крайне противоположных и трудно примиримых по этому вопросу; этот арбитраж должен проявиться и при принципиальном разрешении самого вопроса, и при его окончательном осуществлении, и при выяснении деталей.

Г-н Милованович возразил, что представленные г-ном Спалайковичем изменения имели в виду: а) естественное предположение, что русский [350] император не согласится ни с болгарской, ни с сербской точкой зрения, а захочет поискать примирения этих точек зрения в средней линии между болгарскими уступками и сербскими претензиями в Македонии, что таким образом обозначенная Сербией граница не будет окончательной, так же, впрочем, как и граница, обозначенная Болгарией; б) убеждение, что река Пчина слишком мала, чтобы служить границей, и что границей должен быть принят водораздел; в) обстоятельство, что села во всей Прешовской нахии с давних времен были сербскими и что было бы несправедливо, если бы они отошли к Болгарии; г) уверенность сербов, что их уступки были в данном случае очень велики.

Возразить г-ну Миловановичу взялся Ризов на сербском языке, чтобы, как он выразился, его объяснения были в унисон с разговорами, который он вел в Белграде, и чтобы напомним г-ну Миловановичу некоторые отрывки этих разговоров в их подлинной форме.

Ризов начал напомнимем об одном важном обстоятельстве, а именно: о том, что сам г. Милованович в прежних своих разговорах с Ризовым (и в Риме, и в Белграде) не раз соглашался на автономию Македонии при условии, чтобы предварительно были определены границы сфер влияния Болгарии и Сербии в этой стране на тот случай, если бы автономия не могла быть осуществлена или не могла бы долго просуществовать, и чтобы Болгария и Сербия имели заранее обозначенные границы в Македонии на случай завладения ею. Так что, заявил Ризов, предлагаемая со стороны Болгарии формула есть в сущности формула самого г-на Миловановича. Тем более странным кажется отречение от нее теперь,

после того как об этой формуле говорилось и в Белграде в последнем разговоре между Ризовым и Миловановичем. Кроме того, продолжал Ризов, в случае возможной [351] войны с Турцией Сербия и Болгария не могли бы найти более приемлемой, менее провоцирующей весь свет платформы, чем автономия Македонии.

Не менее важно и следующее соображение: едва ли дело дойдет до полной ликвидации Турции в Европе — особенно после потери ею Триполитании, пока не будет пройден еще один этап, а этим этапом не может быть нечто иное, кроме автономии Македонии. «Не стоит и говорить уже, — закончил г-н Ризов свои возражения по данному вопросу, — о том, что нет и не может быть такого болгарского правительства, которое рискнуло бы вести переговоры о соглашении с каким-нибудь другим государством по македонскому вопросу без того, чтобы в постановлениях этого соглашения не фигурировала автономия Македонии».

Что же касается географической границы, на которую претендует теперь Сербия, то Ризов напомнил г-ну Миловановичу, что во время разговора в Белграде — 20 сентября вечером, в присутствии гг. Пашича и Стояновича, после возражения, которое тогда сделал Ризов г-ну Пашичу по этому вопросу, г. Милованович, улыбаясь, заметил: «Видно, нам придется отказаться от Велеса и пожертвовать родиной нашего королевича Марко». Значит, тогда еще была решена судьба Велеса, Прилепа и Крушево в пользу Болгарии. Спорной осталась только судьба Кичево. Относительно же Струги тогда не поднималось и речи по той простой причине, что этот город — родина братьев Миладиновых, и потому ни один Болгарин не дерзнул бы говорить о том, чтобы пожертвовать Стругой.

«Возражение г-на Миловановича относительно непригодности реки Пчины, как границы, — продолжал Ризов, — несостоятельно, так как и река Брегалница, на которую претендует Сербия, не больше ее. А город Велес, как уже говорил Ризов и в Белграде, — это первый город, в [352] котором проснулось болгарское национальное сознание в Македонии, и единственная македонская епархия, которая фигурирует в фирмане об Экзархате, и никакое болгарское правительство не могло бы совершить святотатства и уступить его кому бы то ни было. Относительно же сел в Прешовской нахии, — заметил Ризов, — г. Милованович просто введен в заблуждение, т.к. села эти расположены по ту сторону р. Пчины и по самой предлагаемой Болгарией границе они входят в сербскую сферу. О больших уступках Сербии в данном случае, — продолжал Ризов, — можно говорить только шутя. Потому что еще со времени аннексии Боснии и Герцеговины почти все благоразумные сербы ограничили свои претензии в Македонии только Скопским санджаком. Сам г-н Пашич, который вследствие своей скупости все старается что-нибудь где-нибудь да захватить, а из-за вечных обвинений в его болгарском происхождении боится сделать хоть какую-нибудь уступку Болгарии, — и тот в 1904 году, когда велись переговоры между Болгарией и Сербией о соглашении, принял тогда предложение Ризова об автономии Македонии, поставив только одно условие: чтобы Скопский санджак находился в границах Старой Сербии; это условие было отклонено со стороны Болгарии. Какие же большие уступки делает теперь Сербия, если она претендует на Велес, город, который только несколько лет тому назад исключительно из-за близости его к Скопье вошел в состав Скопского санджака, и то по настоянию известного вам косовского врага болгар, Хафиза-паши, а также претендует на Прилеп, Крушево, Кичево и даже на Стругу, которые входят в состав Битольского вилайета?»

В этот момент Станчов нарочно вышел на несколько минут из комнаты, чтобы оставить Миловановича и Ризова наедине. Ризов воспользовался [353] этим обстоятельством, чтобы сделать г-ну Миловановичу с глазу на глаз следующее важное заявление:

«Ты знаешь (гг. Милованович и Ризов с давних пор на «ты»), что моя фатальная преданность идее окончательного соглашения Болгарии с Сербией навлекла на меня немало подозрений с болгарской стороны, и ты можешь, следовательно, мне кажется, поверить моей безусловной искренности и откровенности в данном вопросе. Ну хорошо! Я клянусь тебе именем моей родины и моей честью, что нынешний наш опыт соглашения — последний опыт и что никогда больше Сербия не дожидается другого болгарского правительства, более расположенного и более готового, чем настоящее, чтобы заключить с Болгарией такое соглашение. И нужно ли еще убеждать тебя, что никакое болгарское правительство никогда не посмеет, если бы даже хотело этого, заключить с Сербией соглашение, в котором не фигурировала бы автономия Македонии. Если ты веришь всему этому, г-н Милованович, то ты, следовательно, понимаешь, какая страшная историческая ответственность и перед сербским народом, и перед целым славянством падет на тебя, если расстроится это наше соглашение. И ты не можешь не понять, как нужно торопиться с его заключением, чтобы события нас не опередили.

Как твой старый приятель, я прошу и заклинаю тебя: свяжи свое имя с этим великим делом! Имей мужество устоять и преодолеть все препятствия, которые могут противопоставить тебе даже твои политические друзья. Так совершаются все великие дела на этом свете. Ты сам не раз мне говорил, что первая, главная, самая важная задача сербской иностранной политики — это соглашение с Болгарией. Если ты в этом уверен, то необходимо, чтобы ты заключил это соглашение даже [354] с риском навлечь на себя временно все проклятия со стороны твоих недальновидных соотечественников. Пойми хорошенько, г-н Милованович, что это последний и безвозвратный опыт столь желаемого и столь защищаемого мной и тобой нашего сербо-болгарского соглашения».

Как раз при этих словах Станчов вошел в комнату, понял тотчас же, о чем говорилось в его отсутствие, и сказал г-ну Миловановичу:

«Имейте в виду, что ответственность перед македонцами за территориальные уступки, которые мы Вам делаем в Македонии, всецело возложена на г-на Ризова как царем, так и болгарским правительством».

Все это произвело такое впечатление на г-на Миловановича, что он не нашел, что возразить, и ограничился только заявлением, что он и теперь еще — даже теперь больше, чем когда бы то ни было, — глубоко и непоколебимо убежден, что для Сербии нет политического дела более важного, чем соглашение с Болгарией. Но именно потому, что это так важно, ему необходима поддержка всех решающих сербских факторов. Вот почему он уверен, что мы не сомневаемся в его готовности покончить с этим вопросом «а tout prix» и что мы вполне поверим его обещанию, что он, вернувшись в Белград, сделает все, чтобы убедить и другие сербские факторы — лидеров обеих фракций радикальной партии, гг. Пашича и Стояновича, и военного министра ген. Степановича — пойти навстречу болгарским желаниям. Он вызовет снова г. Спалайковича из Софии, чтобы дать ему новые инструкции.

Это заявление г-на Миловановича, производившее впечатление искренней исповеди, побудило г-на Станчова облегчить предстоящие ему в Белграде усилия и представить нашу формулу автономии Македонии в следующей редакции: [355]

«Если после войны, веденной совместно обеими сторонами — Сербией и Болгарией — явится необходимость кончить ее введением автономного управления в областях, населенных болгарами и сербами, то обе стороны согласятся заключить мир при условии гарантированной автономии в вышеупомянутых областях».

Г-н Милованович взял копию этой формулы, и, так как время, предназначенное для нашего совещания, уже истекло, а ему предстояло свидание с гг. Делькассэ и Баррером, он распрощался с нами. Уходя, он еще раз обещал *сделать все, чтобы пойти навстречу болгарским желаниям*. А прощаясь с г-ном Станчовым, который, в качестве хозяина дома, вышел проводить его до дверей, г-н Милованович попросил его передать его величеству царю, что «его горячим желанием является покончить это дело, чтобы исполнить желание болгарского царя, который возлагает на него такие большие надежды».

Так закончился, господин министр, наш разговор с г-ном Миловановичем. Теперь уже Ваша забота довести этот вопрос до благополучного конца. Мы же только считаем нелишним предупредить Вас, что г. Спалайкович еще не так давно был одним из самых скрытных и самых опасных врагов нашего македонского дела и что его ум еще не дорос до того, чтобы победить его шовинистическое упрямство. Все это Вы должны будете иметь в виду, когда будете разговаривать с ним по данному вопросу. Было бы лучше, конечно, если бы можно было вести переговоры с г-ном Миловановичем через голову г-на Спалайковича. Мы надеемся, что Вы не упрекнете нас, если мы позволим себе напомнить переданные Вам Ризовым в Вене характерные слова г-на Гартвига в ответ на жалобы Ризова по поводу чрезмерных сербских претензий: «Не обращайтесь особенного внимания на это. Они [356] непочтливо поторговаться с Вами, но в конце концов сговорятся на одном Скопском округе». А г-н Гартвиг ли не знает сербских мыслей?

Мы надеемся, господин министр, что Вы окажете нам честь, доверитесь нашей памяти и не усомнитесь в тщательной и верной передаче всего вышеизложенного, как сказанного г-ном Миловановичем, так и сказанного нами; льстим себя надеждой и верим, что этот наш рапорт окажет Вам пользу при переговорах, которые придется Вам вести по этому судьбоносному для нас вопросу. Примите, господин председатель, уверения в нашем полном уважении и почтении к Вам.

(Подпись) *Станчов*

(Подпись) *Ризов»*.

После своего возвращения в Белград, г-н Милованович дал мне знать через г-на Спалайковича, что к концу ноября он обсудит снова вопрос с гг. Пашичем и Любой Стояновичем — лидерами обеих радикальных партий — и что тогда он сделает мне новое предложение.

И действительно, 15 декабря г-н Спалайкович явился с этим новым предложением. В нем принималась приблизительно моя формула автономии Македонии, принималось также и слияние двух первых зон, о которых говорилось выше, в одну спорную зону. Но эта новая спорная зона была так широка, что я не мог ее принять. И начались тогда длинные переговоры между мной и г-ном Спалайковичем о сужении этой зоны, переговоры, в которых не раз принимали участие и русский посланник в Софии г. Неклюдов, и русский военный атташе, г-н полковник Романовский. Это участие выражалось то в форме советов быть умеренными и уступчивыми, чтобы скорее кончить доброе дело, то в форме сообщений о том, что если мы не кончим, Россия оставляет за собой право поступить так, как ей диктуют ее интересы. [357]

Одно сообщение, сделанное полковником Романовским генералу Фичеву, было тем более серьезного характера, что именно в это время и по газетным известиям, и по сообщениям наших дипломатических представителей г. Чарыков уже начал в Царьграде переговоры о соглашении с турками.

Очевидна была опасность для наших национальных aspirations от подобного двоякого, как мы по крайней мере понимали, соглашения России: с Австрией — с одной и с Турцией — с другой стороны. И в министерском совете мои коллеги не раз настаивали, чтобы я сделал все возможное для противодействия этому.

Единственным средством для этого было — подписать договор с сербами. Последние после долгих настояний уступили нам в вопросе о границах спорной зоны, но не уступали в вопросах о Струге и о берегах Охридского озера между Стругой и Охридом. Мне пришлось долго спорить по этому вопросу, пока, наконец, нам не обещали эти области и пока не был составлен по этому вопросу протокол. Этот протокол был подписан 22 февраля 1912 года, а девять дней спустя был подписан и договор с Сербией. Между прочим, крайне опасно было медлить с переговорами еще и потому, что турки, узнав о них, могли заключить мир с Италией и напасть на нас или заключить какое-нибудь другое весьма невыгодное для нас соглашение. Необходимо прибавить, что еще 15 декабря 1911 года мы согласились с сербами выделить из самого договора и поместить в отдельном секретном к нему приложении статьи, касающиеся нашего наступательного союза против Турции, постановления, касающиеся Македонии, и все остальное, связанное с этими двумя важными вопросами.

Приблизительно через месяц после подписания договора и секретного к нему приложения мы начали переговоры и относительно предусмотренной в ст. 4-й договора военной конвенции. Изучение и доклад царю проекта этой конвенции были возложены на военного министра и на начальника Генерального штаба. Царь [358] согласился подписать эту конвенцию вместе с ее постановлениями на случай нападения со стороны Австрии и Румынии, потому что ему был известен текст австро-румынской военной конвенции от сентября 1900 года (после острого румыно-болгарского конфликта из-за убийства Михайлеану). В введении к австро-румынской конвенции устанавливалось, что Австро-Венгрия признает вполне справедливым желание Румынии увеличить свои владения присоединением к своей территории части Бессарабии, а также крепости Силистрии и, если возможно, Рушчука, Шумлы и Варны.

Ввиду этого соглашения между Австрией и Румынией, ввиду упорных слухов о том, что существует военная конвенция между Румынией и Турцией, нам повелительно диктовалась необходимость предвидеть в военной конвенции с Сербией возможность нападения на нас со стороны Австрии и Румынии. После докладов генералов Никифорова и Фичева о том, что раз австрийцы будут в Санджаке, то они придут и в Македонию, где их интересы столкнутся с нашими, царь согласился подписать условия конвенции, тем более, что генерал Паприков подписал русско-болгарскую конвенцию, служившую ответом на австро-румынскую, 31 мая 1902 года. В этой именно русско-болгарской конвенции фигурировала та ст. 3-я, о которой я отправил немало депеш г-ну Бобчеву зимой 1912/1913 гг., когда румыны пугали нас своим нашествием на Болгарию. Согласно ст. 3-й русско-болгарской конвенции 1902 года, Россия всеми своими силами обязывалась содействовать *целости и неприкосновенности* территории Болгарии.

II. Болгаро-греческий договор

Еще в мае 1911 года, через два месяца после того как я стал у власти, вопрос о соглашении с Грецией был поднят известным другом Болгарии и болгар, балканским корреспондентом газеты «Times», г-ном [359] I. D. Bouzchier. Г-н Баучер написал мне из Афин письмо, в котором сообщал о желании греческого короля и греческого правительства вступить в соглашение с Болгарией. Посещение болгарскими студентами Афин весной 1911 года, любезный прием, встреченный ими там, — все это создало атмосферу, благоприятную для обмена мыслями с целью заключения если не союза, то по крайней мере соглашения. И г-ну Баучеру было дано понять, что болгарское правительство не имело бы ничего против того, чтобы приступить к подобному обмену мыслями. Однако ничего не было предпринято до тех пор, пока итало-турецкая война и поведение младотурок по отношению к нам, особенно ничем с нашей стороны не вызванная мобилизация их против нас в конце сентября 1911 года не заставили нас вступить в переговоры с Грецией.

Первый шаг был сделан сейчас же после этой мобилизации. 3(16) октября 1911 года г-н Панас, греческий полномочный министр в Софии, явился ко мне и сделал важное, по его словам, сообщение от имени своего правительства. Изложивши историю своих разговоров со мной, до моего отъезда в Виши, и с г-ном Т. Годоровым, когда он оставался моим заместителем, г-н Панас заявил мне, что если я могу его уверить, что Болгария выступит (*marchera*) в случае, когда на Грецию нападет Турция, то он уполномочен своим правительством уверить меня, что и Греция с своей стороны будет воевать вместе с нами в случае нападения Турции на Болгарию.

Ввиду кризиса в наших отношениях с Турцией в октябре 1911 года это сообщение было чрезвычайно важно. Прежде чем получить уверение от Сербии, что она будет воевать вместе с нами, если Турция объявит нам войну, мы уже имели подобное уверение со стороны Греции. Греческое предложение было доложено царю и министерскому совету и принято ими, и я был уполномочен заявить г-ну Панасу, что Болгария поможет Греции в случае, если на эту последнюю нападет Турция и [360] при условиях, которые должны быть определены в оборонительном договоре. Он согласился.

Однако проект этого договора не был выработан, пока продолжались наши переговоры с Сербией. Только когда они закончились и после нового обмена мыслями, 14 (27) апреля 1912 года, я получил от г-на Панаса письмо, к которому был приложен *avant-projet* оборонительного договора.

В этом предварительном проекте не говорилось ни слова не только об автономии Македонии и Адрианопольского вилайета, но даже и о тех правах, которые были гарантированы христианским областям в Европейской Турции международными договорами и особенно Берлинским трактатом в его 23-й статье. Поэтому я заявил г-ну Панасу, что их предложение не может быть принято нами, если Греция не согласится поместить в проекте обязательство не противиться автономии. С этой целью я предложил ему следующее:

Греция со своей стороны должна обещать нам никоим образом не сопротивляться возможному требованию со стороны Болгарии предоставлению Македонии и Адрианопольскому вилайету административной автономии с равными для всех населяющих ее народностей правами.

Это изменение не было принято греками. Тогда я заявил, что если не будет упомянуто, по крайней мере, хотя бы обязательство для нас — бороться за права христиан, проистекающие из договоров, то я не могу подписать договора. Г-н Панас ответил мне, что основным путем я хочу добиться опять-таки автономии, так как я имею в виду ст. 23-ю Берлинского договора.

Действительно, в это время в Болгарии происходили многолюдные митинги, на которых выносились резолюции, требовавшие проведения в жизнь реформ, предусмотренных этой статьей. Пример был дан в Софии. 29 апреля под председательством д-ра Хр. Стамбольского и под патронажем гг. Ив. Вазова, д-ра Ив. Д. Шишманова, [361] д-ра Ст. Сарафова, Ив. Грозева, Г. Георгова, инженера Станишева и других был устроен импозантный митинг. По примеру столицы митинговое движение охватило всю страну.

Я не скрыл от г-на Панаса, что я стремился именно к выполнению ст. 23-й, но, чтобы не раздражать греческих *susceptibilités*, я предложил во вступлении и в ст. 2-й проекта и договора, там, где говорится о правах христианских народностей, упомянуть не только о правах христиан *concedes* (султанами), но и

decoulant des traites. Г-н Панас заговорил тогда со мной весьма возбужденно и уверял меня, что если я имел в виду ст. 23-ю Берлинского договора, то мое предложение не будет принято.

Афины молчали довольно долго. Г-н Панас часто заходил ко мне будто бы сообщить мне, что ответа еще нет, но больше с целью убедить меня, чтобы я отказался от предложенного мной добавления. Но я настаивал. В конце концов, около 10 мая, г-н Панас сообщил мне, что греческое правительство приняло мое предложение о правах, вытекающих из договоров. И так как было уже решено, что 18 мая (1 июня по н. ст.) царь и я выедем в Берлин, где предстояло болгарским царю и царице сделать свои первые официальные визиты, мы поторопились подписать договор с Грецией до нашего отъезда. Он был подписан г-ном Панасом и мной 16(29) мая 1912 года. Его ратификация владетелями обеих стран произошла позже, уже после нашего возвращения из Берлина. Что касается нашей военной конвенции с Грецией, то она вырабатывалась с нашей стороны генералами Никифоровым и Фичевым и была подписана только в сентябре 1912 года. Здесь же я должен добавить, что, по недостатку времени, не было достигнуто соглашения с Грецией о проведении границы в Македонии. Г-н Панас, впрочем, сказал мне, что греки отказались начать переговоры с австрийцами, так как эти последние дали им понять, что будут требовать Солунь. [362]

III. Болгаро-черногорское соглашение

С Черногорией не было подписано никакого письменного соглашения. Первый обмен мыслями о возможных совместных действиях между Болгарией и Черногорией имел место в Вене. Австрийский император принял посещение черногорского короля сейчас же после посещения болгарского царя, в начале июня 1912 года. Я воспользовался моей поездкой в Вену и моей встречей там с гг. Даневым и Т. Тодоровым, первый из которых возвращался из Ливадии через Петроград, а второй из Парижа, и вызвал из Рима нашего тамошнего полномочного министра г-на Ризова с целью обсудить четыре вопроса, касающихся войны балканских союзников против Турции, если последняя даст нам повод и если Италия перенесет войну на Балканский полуостров. Еще прежде, чем приехал г-н Ризов, я выехал с Их Величествами царем и царицей в Берлин. Вернувшись оттуда в Вену для переговоров с тремя ожидавшими меня лицами, я узнал, что за время моего отсутствия г. Ризов, воспользовавшись своим знакомством с черногорским министром-председателем, подготовил с ним свидание. Это свидание состоялось между гг. Даневым и Ризовым — с одной, и черногорским министром-председателем — с другой стороны — в самом Гофбурге, где остановился черногорский король со своей свитой. Из этой встречи наши вынесли впечатление, что Черногория готова идти с нами.

Немного времени спустя, в июле, я получил от нашего полномочного министра в Черногории, г. Колушева, сообщение, что черногорский король уже делает предложения о совместном выступлении. Это предложение мы сейчас же обсудили в Софии и решили, что я должен встретиться с г-ном Колушевым и устно обсудить этот вопрос, как устно обсуждались вопросы о болгаро-сербском и болгаро-греческом соглашениях. Чтобы не дать повода думать, что мы замыслиаем с Черногорией [363] нечто серьезное, я решил встретиться с г-ном Колушевым в Мюнхене. Но события развивались так быстро, что не дали мне возможности выехать. Поэтому г-н Колушев приехал в Софию, где пробыл до 15 (28) августа. В этот день он выехал в Цетинье, уполномоченный нами заключить устное соглашение с Черногорией. Относительно условий этого соглашения в министерстве иностранных дел сохранился его конфиденциальный доклад.

Так как условия этого устного соглашения еще не разглашены, то и мне нечего заниматься фазисами, через которые оно прошло, как я занимался подробностями переговоров о других, письменных, договорах. Текст последних был обнародован прежде всего парижской газетой «Matin» в ноябре 1913 года, а потом и другими газетами и журналами. Поэтому и я помещаю их в конце настоящей книги. [364]

Глава вторая. История начала Балканской войны

После подписания нашего договора с Сербией я должен был постараться, согласно ст. 3-й секретного к нему приложения, послать копию с него русскому императору. Я должен был сделать это тем быстрее, что итало-турецкая война, с одной стороны, и внутреннее политическое положение Турции, с другой,

могли довести до событий, которые заставили бы и нас принять в них участие. А нам необходимо было, чтобы еще до этого вмешательства русский монарх одобрил наш договор и принял на себя роль арбитра, предусмотренную в указанном договоре. Приезд государя в Ливадию весной 1912 года представил нам удобный случай послать туда болгарскую депутацию, которая приветствовала его от имени болгарского царя и болгарского правительства. Шефом этой миссии был выбран д-р Ст. Данев, председатель Народного Собрания. Ему и было доверено поручение вручить копии сербо-болгарского [365] договора, секретного к нему приложения и военной конвенции. Остальными членами депутации были генерал Марков, подполковник Луков и г-н Милчев. Депутация выехала 21 апреля, прибыла в Ялту 23-го, представилась государю императору 24-го, и 30-го выехала обратно в Софию, за исключением г-на Данева, который 1 мая выехал в Петроград. Там он имел новые совещания с г-ном Сазоновым, встретился и с другими русскими министрами и в двадцатых числах мая прибыл через Берлин в Вену, где был и я с их величествами по случаю посещения ими императора Франца Иосифа. Здесь, как я упомянул уже выше, мы имели совещания не только с г-ном Даневым, но и с г-ном Т. Тодоровым, министром финансов, и с г-ном Д. Ризовым, нашим полномочным министром в Риме.

Г-н Данев еще до своего отъезда в Петроград сообщил мне в письме свои впечатления от поездки в Россию. В Вене он устно продолжил свои объяснения. По рассказам г-на Данева, дополненным и другими сообщениями, нашей депутации был оказан задушевный прием. Как и следовало ожидать этого, наиболее продолжительные разговоры имел г-н Данев с г-ном Сазоновым. Данев начал объяснения с ним в «несколько повышенном тоне», как выразился потом сам г-н Сазонов. Он постарался убедить г-на Сазонова в затруднительном положении Болгарии, вследствие тяжелого финансового бремени, лежащего на стране, вследствие необходимости быть всегда в боевой готовности и при невозможности использовать мирным путем затруднения, с которыми борется теперь Турция. Скорое разрешение неопределенного положения в Македонии в то время было особенно важно для Болгарии, потому что вследствие турецкого управления в этой стране болгарский элемент терял там постоянно почву. Такое положение дел заставляло многих в Болгарии задавать себе вопрос, не наступило ли время прибегнуть к силе оружия. Одним словом, г-н Данев не скрыл от [366] г-на Сазонова, что Болгария ждет первого случая, чтобы бросить кости.

В ответ на все это г-н Сазонов советовал политику благоразумия. Он обращал особенное внимание на то, что активное вмешательство Болгарии и неминуемое после этого осложнение общего положения на Балканах не встретило бы сочувствия в России ни у правительства, ни в общественном мнении и что поэтому невероятно, чтобы в случае общего столкновения события сложились в пользу Болгарии.

Г-н Сазонов сам потом говорил, что при последующих встречах он видел, что г-н Данев значительно успокоился и стал хладнокровнее относиться к этому вопросу. Когда они стали обсуждать русско-болгарские отношения, г-н Данев старался доказать желательность включения Адрианопольского вилайтета в сферу болгарского влияния. Г-н Сазонов ответил, что Адрианопольский вилайтет не входил в состав Сан-Стефанской Болгарии и что, кроме того, в случае осуществления болгарских национальных желаний Одрин потеряет свое нынешнее значение турецкого форпоста, так как и сама Турция обратится в второстепенное государство.

В Вене мы пробыли с гг. Даневым, Тодоровым и Ризовым до конца мая. После того как мы дали нашему полномочному министру в Риме нужные инструкции по вопросу, из-за которого мы вызвали его в Вену, мы поехали в Софию, и я, совершив короткое путешествие по южной Болгарии, вступил в управление министерством иностранных дел в десятых числах июня. Вскоре после этого наступили те судьбоносные события в Турции, которые властно заставили нас, во-первых, объявить мобилизацию во всех союзных государствах, а потом — объявить балканскую войну.

Не напрасно покойный Кидерлен-Вехтер предупреждал меня, что мы вскоре должны ждать падения младотурецкого кабинета. Но это падение сопровождалось такими потрясениями, что и наши соседи не меньше нас были удивлены и поражены и пожелали принять [367] меры, чтобы анархия, разразившаяся в Турции, не привела бы к катастрофе, так как подобная катастрофа могла бы увлечь и христианские народы на Балканах.

Слово *катаклизм* было тем именно термином, который употребил тогдашний румынский министр-председатель г-н Майореско, когда он первый заговорил с управляющим нашим посольством в Бухаресте в июне 1912 года об отчаянном положении Османской Империи. Я воспользовался этим случаем, ответив, что готов начать переговоры о соглашении с Румынией на случай катастрофы в

Турции. Г-н Майореско отказался вступить в переговоры даже и тогда, когда наш полномочный министр в Бухаресте г. Калинков вторично заговорил с ним по данному вопросу. Румынский министр-председатель ограничился уверением, что если действительно наступит какая-нибудь катастрофа, то Румыния легко сможет столкнуться с нами. Он отказался заранее определить те приобретения, на которые Румыния надеялась в случае войны с Турцией.

Еще свежи в памяти всех первые проявления движения, которое привело Турцию к ее разгрому. Брожение во всей стране против младотурок; циркуляр военного министра Махмуд-Шефкета-паши о том, что офицерам запрещается заниматься политикой; бунт гарнизона в Адрианополе; *pronuntiamento* в Битоле; восстание албанцев; падение младотурецкого кабинета; сражение при Митровице, после которого победители-албанцы занимают Ипекский, Призренский и Приштинский санджаки; ультиматум албанцев; резня в Кочанах; резня в Беране; взятие албанцами Скопье. Все эти события, особенно три последние, так сильно отозвались на настроении общественного мнения в Софии, Белграде, Афинах и Цетинье, что легко было предвидеть, что они не пройдут без серьезных последствий.

Потрясены были этими событиями и европейские кабинеты, и более всех остальных расположенный к Турции венский кабинет выступил 1 (14) августа с памятным [368] всем предложением графа Бертольда о прогрессивной административной децентрализации Европейской Турции. Если Австрия выступала с таким предложением, могли ли балканские государства оставаться равнодушными к судьбе своих сонародников? К этим заботам в Афинах и Белграде присоединился еще и страх, который внушали албанские претензии на греческие и сербские земли. Албанцы не скрывали, что считают албанскими весь Скопский и Битольский вилайеты. В Софии, конечно, не боялись албанцев. Но и там, особенно после избиения болгар в Кочанах, переполнилась чаша терпения. Нужно ли было церемониться с Турцией, истощенной войной с Италией, терзаемой внутренними раздорами, с армией без дисциплины, с казной без денег?

1 августа 1912 г. в столице Болгарии состоялся импозантный митинг, а 12 августа собрался конгресс македоно-одринских братств. И на митинге и на конгрессе были приняты почти одинаковые резолюции: Болгария должна сейчас же мобилизоваться, требовать автономии Македонии и Адрианопольского вилайета и, если это не будет выполнено, объявить освободительную войну. В противном случае в стране произойдут потрясения, последствия которых невозможно предвидеть.

Момент был судьбоносным, натиск общественного мнения — неотразимым. В разгар этого воинственного настроения приехал в Софию г-н Колушев, наш полномочный министр в Черногории, с предложением черногорского короля о немедленном выступлении. Нужно было или принять это предложение, или отклонить его. 13(26) августа, по решению министерского совета, четверо нас: гг. Данев, Т. Тодоров, генерал Никифоров и я, имели аудиенцию у царя в Царской Быстрице, около Чам-Кории. После сделанного мною доклада о положении дел мы долго и всесторонне обсуждали с главой государства самый трудный вопрос, какой со времени освобождения Болгарии приходилось обсуждать болгарским [369] государственным деятелям. И мы единодушно решили то, что было уже решено министерским советом, а именно: принять предложение Черногории и сейчас же приступить к обмену мыслями с Сербией и Грецией с целью достичь соглашения о немедленном союзническом вмешательстве в пользу христианского населения Европейской Турции. Согласно принятому решению, г-н Колушев немедленно выехал в Цетинье, уполномоченный заключить с Черногорией устное соглашение, о котором говорилось выше. Я начал переговоры с представителями Сербии и Греции в Софии — гг. Спалайковичем и Панасом. После этих переговоров г-н Спалайкович поехал в Белград, откуда вернулся 18 августа. Затем приехал в Софию и г-н Тошев, наш полномочный министр в Белграде. В то время, как обмен мыслями с Сербией велся через полномочных министров, с Грецией мы вели переговоры по телеграфу. 8 сентября поехал в Ниш и г-н Данев. Страх сербов перед возможным австрийским вмешательством был вполне понятен, и нам пришлось серьезно считаться с этим, так же, как серьезно считались мы и с неоднократными дружескими советами г-на Сазонова не доводить дела до войны. После зрелого обсуждения мы приближались уже к желанному соглашению с нашими союзниками, когда, совершенно неожиданно, 16 сентября я получил известие из Царьграда, что Турция отдала приказ об общей мобилизации. В ответ на эту турецкую мобилизацию 17 сентября объявили и мы — союзники — общую мобилизацию в четырех государствах.

Сейчас же после этого мы занялись обсуждением капитального вопроса о реформах, проведения которых мы должны были требовать от Турции в областях, населенных нашими соотечественниками. О реформах заговорили и Великие Силы тотчас же после объявления нашей мобилизации.

Но ответ Высокой Порты на это выступление великих сил был настолько неудовлетворителен, что нетрудно [370] было предвидеть, что Турция желает войны, которую она и вызвала задержкой в Скопье сербских муниций, задержанием греческих пароходов в Царьграде, отозванием своих представителей из столиц союзных государств и, в конце концов, самым объявлением войны.

Вот полный текст дипломатических нот, которыми мы обменялись тогда и которые до сих пор еще не были опубликованы целиком.

I. Нота, врученная Болгарии 27 сентября 1912 года

Русское и Австро-Венгерское правительства заявляют балканским государствам:

Во-первых, что Великие Силы осуждают энергично всякую меру, которая довела бы до нарушения мира.

Во-вторых, что, основываясь на ст. 23-й Берлинского договора, они возьмут в свои руки, в интересах населения, осуществление реформ в управлении Европейской Турцией, причем, разумеется, эти реформы не нарушат суверенитета Е. В. Султана и территориальной целостности Турецкой Империи. Настоящая декларация, впрочем, сохраняет за Великими Силами право на совместное изучение в будущем предполагаемых реформ.

В-третьих, что если при всем том вспыхнет война между балканскими государствами и Турецкой Империей, то они не допустят, после окончания конфликта никакого изменения территориального status quo в Турции.

Великие Силы сделают совместно перед Высокой Портой шаги, вытекающие из настоящей декларации. [371]

II. Нота, врученная в Царьграде 27 сентября 1912 года

Нижеподписавшимся, посланникам Австро-Венгрии, Англии, Франции, России и Германии, поручено их надлежащими правительствами сообщить Высокой Порте, что пять Великих Сил принимают к сведению публично выраженное желание турецкого правительства ввести реформы и что они сейчас же совместно с Высокой Портой обсудят в духе ст. 23-й Берлинского договора и Закона 1880 года реформы, требуемые положением Европейской Турции, и меры, которые смогут обеспечить их осуществление в интересах народностей, причем, разумеется, эти реформы не нарушат территориальной целостности Империи.

III. Ответ турецкого правительства

В ответ на сообщение от 27 сентября, которое посланникам Австро-Венгрии, Англии, Франции, России и Германии поручено было надлежащими правительствами сделать Порте, нижеподписавшийся министр иностранных дел Его Величества Султана имеет честь им напомнить, что, как их превосходительствам угодно будет самим констатировать, императорское правительство уже осознало нужду введения реформ в управлении вилайетами Европейской Турции. Оттоманское правительство смотрит на реформы с тем большей серьезностью, что собирается провести их без всякого чужестранного вмешательства и предвидит, что при этом условии осуществление их непременно будет способствовать благоденствию и [372] хозяйственному развитию страны, причем будет обеспечена в либеральном духе оттоманской конституции гармония между разнородными элементами, из которых состоит население Империи. Остается отметить, что если сделанные до сих пор различные опыты улучшения внутреннего положения в этих областях не дали всех тех плодов, которых можно было от них ожидать, то одной из главных причин этого замедления является, бесспорно, смутное состояние и необеспеченность, причиняемые всевозможными покушениями, исходящими из агитационных очагов, цель которых не подлежит никакому сомнению. При всем том императорское правительство ценит приятельское намерение сообщения, которое Великие Силы нашли уместным и своевременным сделать ему ввиду настоящих обстоятельств. Оно всем сердцем присоединяется к развиваемым ими усилиям для предотвращения опасности столкновения, каковое имело бы последствием великие бедствия, которые цивилизованный мир должен предотвратить всеми примирительными средствами. В этом отношении Оттоманское правительство сознает, что оно поспешило облегчить гуманную задачу Великих Сил в страшной задаче, к разрешению коей они стремятся. Не желая подчеркивать в свою пользу тот факт, что многие из

предписаний Берлинского договора не были прилагаемы сообразно с духом, которым они были продиктованы, и что оттоманские интересы во многих случаях сильно страдали от этого; не желая, в частности, исследовать вопрос, до какой степени ст. 23-я могла больше остальных статей сохранить свою настоящую ценность, — Оттоманское правительство заявляет, что оно по собственному почину приняло решение внести, согласно конституции Империи, на одобрение парламента, сейчас же после открытия предстоящей его сессии и потом поднести на утверждение [373] Е. В. Султана закон 1880 года в полной его исторической целокупности. Силы могут быть убеждены, что императорские власти озаботятся о совместном приложении этого закона сейчас же после того, как он войдет в силу. Было бы крайне несправедливо по прошлым небрежностям и промедлениям, более или менее систематичным и свойственным и другим режимам, судить, что конституционная Оттоманская Империя в настоящее время не решится и не окажется способной порвать окончательно с заблуждениями прошлого и что она воспользуется известным сомнением в этом отношении, чтобы искать мер, отличных от тех, которые единственно совместимы с хорошо понятыми интересами страны и самих населений.

IV. Нота Болгарии к Великим Силам (30 сентября 1912 года)

Болгарское правительство, имея в виду декларацию, сделанную Болгарии шестью Великими Силами через правительства Австро-Венгрии и России, и в согласии с правительствами остальных балканских государств высказывает свою благодарность за проявленный со стороны шести Великих Сил интерес к судьбам населения Европейской Турции и за их обещание «взять в руки» осуществление реформ в управлении, основываясь на ст. 23-й Берлинского договора. Царское правительство при всем том, в согласии с правительствами Греции и Сербии, полагает, что после стольких обещаний реформ, так часто и торжественно дававшихся Турцией и столь точно определенных в международных актах, было бы жестоко не постараться добиться в пользу христианских населений Оттоманской Империи более радикальных и более определенных реформ, которые [374] могли бы действительно улучшить их злосчастную судьбу, если они искренне и вполне будут проведены в жизнь. Поэтому они считают своим долгом отнести непосредственно к правительству Е. В. Султана, причем укажут ему принципы, на которых должны покоиться подлежащие введению реформы и гарантии, которые должны обеспечить их искреннее проведение в жизнь. Они уверены, что если императорское турецкое правительство воспримет ту же самую точку зрения, то порядок и спокойствие в областях Империи будут восстановлены и прочный мир будет обеспечен между Турцией и балканскими государствами, которые до нынешнего дня весьма часто страдали от вызывающего и произвольного поведения Высокой Порты.

V. Нота, врученная Болгарией Турции (30 сентября 1912 года)

Нижеподписавшийся, Председатель Министерского Совета и Министр иностранных дел и вероисповеданий, имеет честь просить Управляющего Турецкой Легацией в Софии переслать Оттоманскому Императорскому Правительству как нижеследующее сообщение, так и приложенную к нему заметку.

«Вопреки шагу, который через правительства Австро-Венгрии и России шесть Великих Сил сделали перед балканскими государствами, шагу, которым они обещают взять в свои руки осуществление реформ в управлении Европейской Турцией, правительства Болгарии, Греции и Сербии считают своим долгом обратиться непосредственно к правительству Е. В. Султана и заявить ему, что только радикальные реформы, проведенные в жизнь искренне и вполне, могут действительно [375] улучшить злосчастную судьбу христианских населений в вилайетах Империи, гарантировать порядок и спокойствие в Европейской Турции и обеспечить прочный мир между Оттоманской Империей и балканскими государствами, к которым Высокая Порта весьма часто относилась произвольно и вызывающе, каковое поведение ее не находило себе ни в чем оправдания.

«Правительства Болгарии, Греции и Сербии, сожалея, что черногорское правительство не может вследствие наступивших событий принять участие в настоящем выступлении, приглашают Высокую Порту приступить сейчас же, в согласии с Великими Силами и балканскими государствами, к выработке и введению в Европейской Турции реформ, предусмотренных в ст. 23-й Берлинского договора, причем в их основу положить принцип этнических народностей (административная автономия областей, генерал-губернаторы бельгийцы или швейцарцы, выборные областные собрания, жандармерия, свобода просвещения и местная милиция) и приложение этих реформ возложить на высший совет, составленный из равного числа христиан и мусульман под надзором посланников Великих Сил и министров четырех балканских государств.

Они надеются, что Турция сможет заявить, что она принимает это желание и обязуется провести в шестимесячный срок реформы, изложенные в настоящей ноте и в приложенной к ней объяснительной записке, и что она пожелает в доказательство этого своего соизволения отменить ираде о мобилизации своей армии».

Нижеподписавшийся пользуется случаем принести Господину Управляющему Турецкой Легацией уверение в своем высоком уважении.

(Подпись) *Ив. Ев. Гешов*. [376]

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА, приложенная к ноте от 30 сентября 1912 года

1. Подтверждение этнической автономии народностей в Империи со всеми ее последствиями.
2. Соразмерное представительство каждой народности в турецком парламенте.
3. Допущение христиан ко всем общественным должностям в областях, населенных христианами.
4. Признание всех училищ христианских общин на равных основаниях с турецкими училищами.
5. Обязательство Высокой Порты не пытаться изменять этнологический характер областей в Турецкой Империи путем заселения их мусульманским населением.
6. Местный призыв христиан к отбыванию воинской повинности в христианских кадрах. До сформирования таких кадров призыв должен быть отложен.
7. Переустройство жандармерии в вилайетах Европейской Турции под действительным командованием бельгийских и швейцарских организаторов.
8. Назначение в вилайетах, населенных христианами, швейцарских или бельгийских вали, выбор коих должен быть одобрен силами и в помощь которым должны быть учреждены окружные советы выбранные по избирательным округам.
9. Учреждение при Великом Визире высшего совета, составленного из равного числа христиан и мусульман, который должен будет надзирать за проведением в жизнь настоящих реформ. Посланники Великих Сил и министры четырех балканских государств возьмут на себя миссию следить за ходом работ этого совета. [377]

VI. Нота, отправленная Болгарией Турции (5 октября 1912 года)

Нижеподписавшийся, Министр Его Величества Царя Болгар, по распоряжению своего правительства имеет честь сделать Его Превосходительству Министру Иностранных Дел Его Императорского Величества Султана следующее сообщение:

Так как Высокая Порта не ответила на тождественную ноту, которую правительства Болгарии, Греции и Сербии имели честь вручить ей 30 сентября, и так как положение, которое уже было тяжелым вследствие задержания сербских муниципий и греческих пароходов, объявленного Турцией вопреки международному праву, стало еще более угрожающим вследствие атак на болгарские и сербские посты турецких войск, нарушивших международные принципы, вследствие прекращения дипломатических сношений, вызванного Высокой Портой, правительство Его Величества Царя к своему величайшему сожалению видит себя вынужденным прибегнуть к силе оружия, причем всю ответственность за прекращение отношений между Болгарией и Турецкой Империей возлагает на турецкое правительство. Я, нижеподписавшийся, имею честь уведомить Императорское Правительство, что с настоящего момента Болгария считает себя в войне с Турцией и что, считая свою миссию выполненной, я оставляю Царьград в кратчайший срок. Турецкие подданные, живущие в Болгарии, в случае желания покинуть страну могут сделать это беспрепятственно, те же, которые предпочли бы остаться, могут рассчитывать на покровительство законов.

(Подпись) *М. К. Сарафов*. [378]

VII. Циркуляр Болгарии о начале войны (5 октября 1912 года)

Болгарская Царская Легация уполномочена своим правительством сообщить Императорскому Царскому Правительству следующее:

Так как анархия, царившая в Турции и столь глубоко смущавшая спокойствие и безопасность соседних стран, несколько времени тому назад усилилась, то Великие Силы сочли нужным взять в свои руки осуществление реформ, предусмотренных в статье 23-й Берлинского договора. В ответ на это последнее выражение коллективной воли Европы Высокая Порта прибегла к тому способу действий, которым она уже пользовалась не раз. Она заявила, что введет серьезные реформы как в Европейской Турции, так и в своих азиатских провинциях, но что она полагает, что чужое вмешательство при проведении их будет вредно для самих реформ. Это обещание турецкого правительства, что оно само введет серьезные реформы, встретило со стороны всех недоверие, о котором писал граф Андраши в своей ноте от 30 декабря 1875 года: «Одну из главных причин этого глубоко укоренившегося недоверия, — справедливо замечал бывший канцлер Австро-Венгрии, — следует искать в том факте, что объявление ни одной из мер, перечисленных в последних рескриптах султана, не повлекло за собой существенного улучшения в судьбах христиан». В течение последних тридцати лет события вполне доказали правоту этого суждения. Вследствие этого царские правительства Болгарии, Греции и Сербии, не имея больше возможности терпеть мук своих сонародников в Турции и положения дел, преисполненного опасностями для их будущего, решили потребовать [379] действительного контроля при выработке и осуществлении единственных радикальных реформ, способных улучшить отчаянное положение христиан и внести умиротворение на Балканском полуострове.

Так как этот последний опыт, умеренность которого так отличалась от вызывающего поведения Турции, без серьезных причин мобилизовавшейся против балканских государств, не удался, и так как Высокая Порта распорядилась о прекращении дипломатических сношений, то царские правительства Болгарии, Греции и Сербии к своему величайшему сожалению увидели себя вынужденными прибегнуть к силе оружия. Болгария, считая себя таким образом в войне с Турцией, «отправила ей формальную декларацию, согласно ст. 1-й Конференции о начале неприятельских действий от 17 октября 1907 года.

Болгарское Царское Правительство надеется, что цель, преследуемая объявлением настоящей войны, совпадает с интересами всех цивилизованных стран. Иностранцы, живущие в провинциях, полное умиротворение коих является целью этой войны, могут только воспользоваться этим умиротворением. При режиме порядка, свободы и прогресса интересы подданных всех стран будут обеспечены и защищены, материальное процветание и умственное развитие будут предметом постоянной и мудрой заботы. Вследствие этого Царское Правительство верит, что оно может рассчитывать на симпатии приятельских держав, и обращается с горячим призывом к Императорскому Царскому Правительству не отказать ему в своем благосклонном нейтралитете при исполнении им этой принятой на себя трудной задачи. [380]

Глава третья.

История междусоюзнических отношений во время Балканской войны

Путем больших усилий и терпения мы смогли достигнуть соглашения с нашими союзниками относительно той цели, которую должен был преследовать Балканский Союз, т.е. относительно этнической автономии балканских народов со всеми вытекающими из этого последствиями. Путем чрезвычайных усилий и беззаветного героизма наши армии смогли сломить противника этого балканского идеала — турецкий деспотизм. Но после того как мы его сломали, уже в первый месяц балканской войны нам в Софию были доставлены документы, и дошли до нас сведения, которые показали, что чувства и тактические приемы наших союзников не гармонировали с той целью, о которой мы согласились, с буквальным текстом и с внутренним смыслом нашего соглашения. С греками у нас действительно не [381] было соглашения о каком-нибудь разграничении в Македонии. Но с сербами по этому вопросу у нас было ясное соглашение. Поэтому мы были чрезвычайно удивлены, когда вскоре после начала войны мы получили копию циркуляра г-на Пашича от 15 сентября 1912 года (т.е. за два дня перед мобилизацией) за № 5669, циркуляра, в котором через пять с половиной месяцев после подписания болгаро-сербского договора Сербия давала своим представителям за границей совсем неверные сведения

о достигнутом между ними и нами соглашении по вопросу о дальнейших судьбах Македонии. Говоря о предложении графа Бертольда о децентрализации Европейской Турции, г-н Пашич рекомендовал сербским дипломатам и консулам за границей хлопотать о реформах в Старой Сербии и об определении границ этой области в следующем смысле:

«Географическая граница этой территории должна быть следующая: она начинается от Патерицы, на турецко-болгарской границе, и идет на юг к водоразделу вардарских вод, оттуда продолжается к Бабуне в таком направлении, что включает в Старую Сербию города Прилеп, Кичево и Охрид с их окрестностями».

Итак, 29 февраля 1912 года г-н Милованович заключает с нами договор, по которому Прилеп и Охрид остаются в бесспорной болгарской зоне, а 15 сентября г. Пашич включает эти два города и их окрестности в пределы Старой Сербии. Поразительно было впечатление, которое этот поступок произвел на нас, энергичен был наш протест против подобного образа действий.

Вскоре после получения этого документа в Софии вихревой полет наших войск к Царьграду и сокрушительные поражения, нанесенные ими главным турецким силам, решили судьбу Европейской Турции. При очевидном распадении Оттоманской Империи не только [382] наши союзники настаивали на окончательной ликвидации ее европейских областей, но и Великие Силы заговорили в пользу столь радикального решения этого вопроса. Еще 18 октября 1912 года английский министр сказал нашему посланнику в Лондоне, г-ну Маджарову, что Европейская Турция должна быть разделена и что если мы удовлетворимся Адрианополем и не будем претендовать на Царьград, то он будет радоваться нашей мудрости и умеренности. 20 октября г-н Сазонов отправил длинный циркуляр русским представителям за границей, извлечения из которого обнародованы и в русской «Оранжевой Книге» (№ 40). В ней говорится, «что завоеванная союзниками часть Европейской Турции подлежит, по праву фактического завладения, полюбовному разделу между ними. Только таким образом может быть обеспечен прочный мир на Балканах». Все желали прочного мира, и, чтобы достигнуть этого, была оставлена идея составить новые, привилегированные автономные области. Исключение, еще с самого начала, было сделано для Албании. Желание, чтобы она была разделена между нашими союзниками, вызвало энергичное сопротивление со стороны Тройственного Союза. Вследствие этого отпора еще 27 октября 1912 года г-н Сазонов заявил категорически, что мы, болгары, «которые *стали во главе балканского союза*, должны обратить внимание сербов на то весьма важное обстоятельство, что необходимость заставляет их, сербов, не домогаться территориальных приобретений у Адриатического моря. Тройственный Союз окончательно-де решил этот вопрос, и не стоит из-за одного приморского порта, после стольких успехов, опять начинать новую войну. Всякое сербское упорство может создать ужасные осложнения. И мы, болгары, *в качестве мудрых руководителей ходом событий*, имели бы самый большой интерес в том, чтобы остановить слова и жесты наших союзников, которые могли бы повредить нашим великим успехам». Несколько времени спустя и сербы должны были преклонить голову перед [383] необходимостью. Но, сделав это и не предупредив об этом нас, сербы стали жаловаться, что мы их не поддержали в их желании иметь выход к Адриатическому морю. В действительности же, мы, напоминая им советы России, всегда повторяли, что исполним, в пределах возможности, все наши обязательства, вытекающие из союзного договора.

Ниже, из одной депеши г-на Сазонова, читатель увидит, что еще до того как отказаться от выхода к Адриатическому морю, сербские шовинисты заговорили о компенсациях в Македонии. Стали получаться известия и о том, что, как мне телеграфировал 4 ноября 1912 года г-н Хаджимишев, предполагается заключение с Грецией если не двойственного союза в балканском блоке, то во всяком случае направленного против нас соглашения. Вместе с этими известиями стали доходить и слухи о возмутительном отношении сербов и греков к болгарским учителям и священникам, к молодым и старым болгарским деятелям в Македонии. Строго проверенные подробности по этому вопросу имеются в рапорте комиссии Карнеги [31], в рапорте, который по своей безукоризненной объективности и примерному беспристрастию представляет ценный сборник фактов и данных о поведении сербских и греческих властей в Македонии. Публицист, который пожелает писать по данному вопросу, не ознакомившись с этим рапортом, подвергнется справедливому упреку в том, что он не желал добраться до истины. [384]

Нелишним будет напомнить, кто были членами этой анкетной комиссии. Вот их имена в азбучном порядке держав; Австрия — d-r Joseph Redlich, профессор публичного права в Венском университете; Англия — Francis W. Hirst, главный редактор Economist'a, и d-r H. N. Brailsford, журналист; Германия —

d-r Walther Schucking, профессор юридического факультета в Марбургском университете; Россия — профессор Павел Милюков, член Государственной Думы; Соединенные Штаты — d-r Samuel T. Button, профессор в Columbia University; Франция — барон d'Estournelles de Constant, сенатор, и Justin Godard, адвокат, член палаты депутатов. Комиссия особенно внимательно занималась вопросом о зверствах во время обеих балканских войн и доказала, насколько несостоятельны были обвинения, будто только болгары провинились в жестокостях. Кроме того, она констатировала, что только болгарское главное командование и командующие отдельными армиями отдали приказы офицерам придерживаться Женевской конвенции и не допускать преступлений и нарушений законов и обычаев войны. В своих статьях в газете «Речь» во второй половине прошлого года г-н Милюков не раз писал, что в этом отношении болгарские офицеры оказались более внимательными, чем офицеры некоторых держав Тройственного Союза и других армий.

Печальна во всех отношениях была эта истина. Когда на Чаталдже и Булаире редели ряды наших борцов, чтобы защитить Союз, чтобы сломить главные силы турецкой армии, печальные рыцари старых раздоров подвизались в Македонии, раздувая едва задремавшие этнические раздоры. И, к несчастью, найдя себе поддержку в лице наших шовинистов, они создали атмосферу крайне неблагоприятную для того, чтобы укрепить чувства братства и приятельства между балканскими народами, столь необходимые для любовного разрешения междусоюзнических споров.

Чтобы не возбуждать страстей, причинивших так много неприятностей балканским народам и так много [385] горя их приятелям, я не стану даже цитировать сведений, констатированных комиссией Карнеги, о физических и моральных страданиях македонских болгар. Я не буду также долго останавливаться на перипетиях дипломатической борьбы с нашими союзниками по исполнению союзного договора и по разделу Македонии, борьбы, начавшейся циркуляром г-на Пашича 15 сентября 1912 года. Подробную историю этой главы Балканского Союза можно будет писать только тогда, когда правительства бывших союзников обнародуют необходимые для объективной оценки документы. При отсутствии этих документов я принужден пользоваться уже обнародованными депешами и рапортами, особенно русской Оранжевой и румынской Зеленой Книгами. И я начну с моей телеграммы от 13 апреля 1913 года к нашему полномочному министру в Петрограде, потому что она вкратце рисует те разрушительные течения в среде союзников, которые ускорили крах самого Союза.

Первое место среди этих разрушительных течений занимали чрезмерные претензии националистов в союзнических государствах на возможно большие территориальные приобретения. Образцом таких преувеличенных претензий являются требования греческого министра иностранных дел г-на Коромиласа, который еще 20 октября 1912 года передал г-ну Хаджимишеву, нашему министру в Афинах, предложение греков о разделе завоеванных местностей. Согласно этому предложению по подробным вычислениям, сделанным тогда нашими лучшими знатоками Македонии гг. А. Шоповым и д-ром Г. Радевым, г. Коромилас из завоеванных турецких областей требовал для Греции территорию с населением около 2 000 000 душ, а нам великодушно уступал земли с населением около 1 300 000 душ. Напрасно мы протестовали и заявляли о невозможности согласиться на такое распределение, основанное на вопиющей несоразмерности; напрасно мы настаивали, что элементарная справедливость требует, чтобы, при отсутствии [386] предварительного соглашения по этому вопросу, приобретения были разделены, так, как это предложил знаменитый французский экономист г-н Paul Leroy Beaulie, пропорционально силам и жертвам обеих сторон. И так как мы противопоставили туркам армию в 563 000 душ, а греки — войско в 215 000 душ (цифры, констатированные комиссией Карнеги) и так как наши жертвы были в три и четыре раза больше их жертв, то легко можно было бы определить приблизительно, конечно, какую часть из этих областей и островов с общим населением в 3 000 000 душ, должны были взять мы и какую — греки. Но г-н Коромилас был непримирим. И он не раз повторял угрозу, что Греция не согласится подписать перемирия и мира с Турцией, если мы предварительно не согласимся о разделе. И действительно, греки не подписали перемирия, чем вызвали тогда всеобщую радость в афинской шовинистической прессе. Что же касается переговоров о мире, то только 18 ноября нам телеграфировали, что русский посланник в Афинах успел убедить г-на Венизелоса, чтобы Греция представила свои условия мира прежде, чем будет достигнуто соглашение между нами по вопросу о нашей будущей границе. И Венизелос поехал в Лондон, где встретился с г-ном Даневым, нашим делегатом в мирной конференции, и там устно предложил ему новый проект определения наших границ. После неудачи этой конференции г. Венизелос посетил 24 января 1913 года Софию, где я просил его письменно сформулировать предложения, сделанные им устно в Лондоне г-ну Даневу, чтобы эти его предложения могли послужить базисом для наших дальнейших переговоров. Г-н Венизелос обещал исполнить мою просьбу, как только вернется в Афины. Но, очевидно под влиянием г-на Коромиласа, исполнение моей просьбы было замедлено, как было замедлено впоследствии и исполнение других

обещаний, как, например, назначение греческого делегата по разграничению областей, оккупированных обеими армиями, и по демобилизации. В русской Оранжевой Книге [387] (№№ 138 и 183) есть документы, в которых ясно видно недовольство г-на Сазонова относительно этих двух вопросов. И когда, наконец, мы получили новый проект, г-н Коромилас опять одержал верх, и нам были предложены уже не те границы, которые г-н Венизелос предлагал в Лондоне. Для обсуждения вопроса об этих границах мы в апреле 1913 года предложили послать в Афины г-на М. К. Сарафова, но г-н Коромилас не откликнулся на наше предложение и помог таким образом нашим шовинистам, которые, вопреки моему мнению и мнению всей нашей партии, не желали арбитража с Грецией. Арбитраж был принят позже, кабинетом, составленным г-ном Даневым, в котором наша партия располагала большинством. Но когда г-н Данев готов был уже поехать в Петроград для окончательного решения по вопросу об арбитраже, вспыхнула междоусобная война и Балканскому Союзу был нанесен смертельный удар.

Гораздо позже греков заявили и сербы о своих внедоговорных требованиях. 10 января 1913 г. г-н Пашич в первый раз заговорил с нашим министром о каком-то исправлении предусмотренной в договоре границы, но только 16 февраля он, через г-на Спалайковича, прислал мне ноту, в которой официально поднял вопрос о непредвиденных в нашем договоре компенсациях. После долгого обсуждения с г-ном Спалайковичем этих новых сербских требований и после того как он мне заявил, что если мы сами не можем согласиться по этому вопросу, то не остается ничего другого, как обратиться к предусмотренному в нашем договоре арбитражу, мы думали, что конфликт между нами и сербами, при наличности ясного текста договора и приложения к нему не может возникнуть. Не так, однако, понимали вопрос крайние сербские националисты. Россия первая осудила их чрезмерные требования. Она продолжала неодобрительно относиться к политике Сербии, как это ясно видно из массы депеш г-на Сазонова, которые я считаю необходимым привести здесь, начиная с декабря [388] 1912 года и до июня 1913 года, когда после отказа с нашей стороны от предложения, сделанного Сербией 12 мая 1913 года о пересмотре договора, г-н Сазонов стал настаивать на том, чтобы и мы и сербы дали свое согласие и чтобы Россия могла приступить к арбитражу. Эти документы, которые не были еще обнародованы, когда комиссия Карнеги писала свой рапорт, самым категорическим образом доказывают:

во-первых, как после того как мы приняли предложение России подчиниться ее арбитражу, Сербия до последней минуты упорствовала в своем требовании нигде не предусмотренного и ничем не мотивированного пересмотра договора;

во-вторых, как сербы и греки вели переговоры о союзе против нас при содействии Румынии и Турции;

в-третьих, как они оттягивали подписание в Лондоне мирного договора с Турцией с целью истощить и ослабить нас и как сэр Эдуард Грей заставил их подписать договор или покинуть Лондон.

Но прежде чем цитировать эти документы, я хочу привести здесь указанную выше мою депешу от 13 апреля 1913 года к нашему министру в Петрограде. Вот она:

В депеше от 11-го сего месяца г-н Сазонов телеграфирует г-ну Неклюдову, что в Петрограде весьма обеспокоены чрезвычайным обострением в вопросе о разграничении между Болгарией, Грецией и Сербией, что там не желают допустить даже мысли о братоубийственной войне и что, давая одновременно категорические советы об успокоении Афинам и Белграду, они обращают и наше внимание на неисчислимы и пагубные последствия, к которым привело бы Болгарию столкновение с ее союзниками. Существует-де опасность со стороны Румынии и Турции. Россия сделала все для ограждения Болгарии от нападения сзади. Но в случае братоубийственного столкновения [389] русское общественное мнение должно будет отвернуться от Болгарии, Россия должна будет остаться безучастной зрительницей болгарского дела и ограничиться исключительно охранением русских интересов. Болгары не должны упускать из виду, что при столкновении с сербами рухнет весь договор 1912 года, на котором основываются болгарские права на разграничение Македонии. Это столкновение должно будет повредить нашим желаниям достать денег и закроет перед нами двери для займа. В заключение г-н Сазонов советует прежде всего обуздать печать и после встретиться с г-ном Пашичем. Повидайте г-на Сазонова и передайте ему нашу искреннюю признательность за постоянные заботы о судьбе Болгарии. Выскажите ему, однако, в то же время нашу глубокую скорбь по поводу того факта, что как будто нас ставят на равную ногу с нашими союзниками в отношении обострения вопроса о разделе Македонии. Мы повторяем самым категорическим образом, что мы не сделали ничего такого, чтобы обострить этот вопрос. Беспристрастная анкета докажет, что не наша печать начала полемику, а сербская и греческая. Г-ну Сазонову известно, что не мы, а г-н Пашич в своем письме от 16 февраля подымает вопрос о

пересмотре нашего договора. Г-н Демидов засвидетельствует, что не мы, а г-н Венизелос, предложив и г-ну Даневу в Лондоне, и г-ну Демидову в Афинах точную линию для разграничения, теперь делает шаг назад и предлагает нам неопределенную границу, которая должна обнять все греческие земли на запад от Кавалы. Не болгарский, а сербский министр финансов торжественно заявил в парламенте, что нельзя начать демобилизации прежде, чем решится вопрос о границах. Не болгарский, а сербский начальник штаба едет в Солунь, где братаются сербские и греческие офицеры, оттуда специальным поездом едет в Битоль [390] и возвращается в Скопье через Тетово. Не мы, а другие пошли искать союзников против тех союзников, которые принесли вдвое и втрое больше жертв во имя общего дела. В конце концов, самое важное — это то, что в то время, когда мы истощаем и армию, и народ, одни, без всякой помощи задерживая своей грудью огромные турецкие войска, запертые на Чаталдже и Булаире, сербы и греки сосредоточивают свои войска не против общего врага, а против нас. Семь греческих дивизий расположились около Солуни, две сербских дивизии, вернувшись из Адрианополя, задерживаются в Пироте, чтобы быть готовыми к борьбе с Болгарией; все другие сербские войска концентрируются против нас от Куманово до Битоля. Если и после всего этого г-н Сазонов желает еще решающего доказательства, что не мы желаем обострения конфликта с союзниками, что, наоборот, мы искренне желаем мирного разрешения этого конфликта, мы готовы дать ему и это доказательство. С этой целью и с целью найти выход из теперешнего положения мы поручаем Вам предложить ему, на основании ст. 4-й секретного приложения к нашему договору, чтобы Россия сейчас же решила окончательно наш спор с Сербией. Сербская точка зрения в вопросе об этом споре изложена в вышеупомянутом письме г-на Пашича. Мы категорически отвергаем эту точку зрения, и так как, согласно этой точке зрения, г-н Пашич желает встретиться со мной, то всякая встреча излишня, так как министерский совет ни в коем случае не может больше обсуждать этого вопроса на подобном основании. Мы настаиваем на исполнении договора, и наша точка зрения, при строгом соблюдении принятых на себя обязательств, столь спасительная для балканских народов, встречает, как известно г-ну Сазонову, самое авторитетное одобрение. Однако между нами и сербами существует явный [391] спор. Этот спор предусмотрен ст. 4-й, и поэтому мы убедительно просим и настаиваем перед русским правительством, чтобы оно взяло на себя труд и разрешило этот спор, потребовав у нас и у сербов все доводы, необходимые для его разрешения. Я должен прибавить, что при передаче письма г-на Пашича г-н Спалайкович в ответ на мое заявление, что мы не принимаем пересмотра договора, заявил мне, что не остается ничего другого, как обратиться к предусмотренному арбитражу. Скорое известие о том, что Россия берется сейчас же разрешить спор, внесет то окончательное успокоение в настроение умов и у нас, и в Сербии, которого так сильно желает г-н Сазонов. Что же касается нашего спора с Грецией, то мы занимаемся им теперь и будем Вам телеграфировать дополнительно, что сообщить г-ну Сазонову, чтобы достигнуть и с ней желаемого успокоения.

Но мы убедительнейше просим г-на Сазонова поторопиться успокоить и Грецию, и Сербию относительно наших намерений и настоять на прекращении концентрации их войск и вообще тех их действий, которые могут иметь роковые для всех балканских народов последствия.

Гешов.

Прибавлю здесь же, что через месяц после отправки этой телеграммы мы согласились, по совету г-на Сазонова, на то, чтобы я встретился с г-ном Пашичем. Эта встреча состоялась 19 мая. Я прежде всего настаивал на обнаружении наших соглашений с сербами, чтобы просветить общественное мнение в Сербии, введенное в заблуждение нарочно распространяемыми, заведомо неверными сведениями. Сербия отказалась выполнить это мое желание. О пересмотре договора при встрече не было сказано ни слова. По вопросу об этом пересмотре [392] Болгария ответила нотой от 5-го и меморандумом от 12 июня, часть коего помещена в конце настоящей книги. А вот и русские и румынские документы, о которых я говорил выше и которые я взял из русской Оранжевой Книги (№ 131, 135, 140, 141, 148, 160, 161, 163, 166, 181, 233, 235, 241 и 253) и из румынской Зеленой Книги (№ 107, 116, 130, 134 и 137).

Министр иностранных дел

посланнику в Белграде

С.-Петербург, 3 декабря 1912 г.

В беседе с нашим послом в Париже г-н Новакович сказал, что в случае отказа от приобретения в суверенное обладание адриатического порта Сербия принуждена будет искать компенсаций за

пределами границы, установленной болгаро-сербским договором. С другой стороны, последние сведения свидетельствуют о значительной перемене тона в турецких уполномоченных, указывающей на опасность несговорчивости с их стороны.

На наш взгляд, жизненные интересы Сербии и всех союзников требуют скорейшего заключения мира с Турцией.

Одинаково важно сохранение полного единогласия Сербии с Болгарией; возможность нарушения с таким трудом достигнутого между обоими государствами разграничения не может встретить с нашей стороны ни сочувствия, ни поддержки.

Мы полагаем в интересах союзников вообще не поднимать вопросов о взаимном размежевании, пока не решен главный вопрос в связи с переговорами в Лондоне.

(Подп.) *Сазонов*. [393]

* * *

Министр иностранных дел

посланнику в Белграде.

С.-Петербург, 25 февраля 1913 г.

Ссылаюсь на телеграмму посланника в Софии 23 февраля.

Не можем не пожалеть о том, что, не дожидаясь заключения мира, сербское правительство возбудило вопрос, постановке коего отнюдь не можем сочувствовать, ибо он противоречит принятым на себя сербским правительством обязательствам.

(Подп.) *Сазонов*.

* * *

Министр иностранных дел

посланникам в Белграде и Афинах

С.-Петербург, 4 апреля 1913 г.

По поручению софийского кабинета, здешний болгарский посланник обратил наше внимание на опасные течения, угрожающие прочности Балканского Союза. Так, недавно сербский министр финансов указал на необходимость дополнительных кредитов на военные нужды по заключении мира до окончательного размежевания новых территорий между союзниками. Сербские и греческие войска усиливаются в направлении к расположению болгарских войск. С другой стороны, между Сербией и Грецией происходят, по-видимому, особые переговоры и настойчиво распространяется слух о союзе между этими двумя державами.

Благоволите представить министру иностранных дел, насколько опасны и прискорбны все эти меры, клонящиеся к подрыванию Балканского Союза.

(Подп.) *Сазонов*. [394]

* * *

Посланник в Софии.

6 апреля 1913 г.

Вражда между болгарами, с одной стороны, и греками и сербами, с другой, принимает угрожающие размеры. Сербы укрепляются в Битолии и стягивают войска к Велесу. Греки посылают подкрепления к Нигрите и в иные места. Болгарские газеты, особенно оппозиционные, полны обвинений и нападок на союзников; в публике открыто говорят о неминуемом столкновении и высказывают уверенность, что болгары в несколько дней сметут союзников и займут Салоники и южную Македонию. Болгарская главная квартира принимает все меры на случай братоубийственной войны.

(Подп.) *Неклюдов.*

* * *

Министр иностранных дел

посланникам в Софии и Белграде.

С.-Петербург, 17 апреля 1913 г.

Обостряющиеся с каждым днем отношения между Болгарией и Сербией внушают нам самые серьезные опасения.

Россия, приложившая все усилия к примирению Болгарии и Сербии, с радостью следившая за их успехами, которые, она надеялась, должны были послужить лишь к более тесному сплочению Балканского Союза, присутствует с болью в сердце при перемене между ними отношений, грозящей разгромом достигнутых результатов руками самих союзников, к явному торжеству их общих врагов, которые доселе были бессильны в стремлении посеять раздор между ними. [395]

Разногласия, разделяющие Сербию и Болгарию, сосредоточиваются в вопросе о том, как следует толковать договор между ними. Обе стороны признают, однако, его обязательность.

В виду этого, не входя пока в разбор вопроса по существу и со своей стороны стремясь сохранить в нем самое полное беспристрастие к обеим сторонам, мы считаем долгом напомнить об одном постановлении, которое при всяком толковании договора не могло утратить силы, а именно: что всякий спор по поводу толкования или исполнения как договора, так и военной конвенции, подвергается на решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами.

Не дожидаясь обращения к нам одной из сторон, которое свидетельствовало бы о наступлении крайнего обострения, Россия ставит обоим правительствам вопрос о своевременности подтвердить, что разногласия между ними будут решаться способами, предусмотренными договором, а не силой оружия.

Поручаем Вам объяснить в этом смысле с правительством, при коем Вы аккредитованы.

(Подп.) *Сазонов.*

* * *

Посланник в Софии.

19 апреля 1913 г.

Я объяснился с г-ном Гешовым по содержанию Вашей телеграммы 17 апреля. Он просил меня передать Вам, что болгарское правительство сочувствует предложению Вашему, чтобы разногласие между Сербией и Болгарией о размежевании в Македонии решено было способом, предусмотренным [396] в сербско-болгарском союзном договоре. Г-н Гешов поручил одновременно с сим болгарскому посланнику в Петербурге заявить Вам о сем устно и выразить заранее доверие Болгарии к справедливости и беспристрастию третейского решения императорского правительства.

(Подп.)

* * *

Посланник в Белграде.

19 апреля 1913 г.

Г-н Пашич категорически заявил мне, что Сербия не только не питает затаенных замыслов против Болгарии, но по-прежнему дорожит искренней дружбой с ней, являющейся залогом прочности Балканского Союза.

Признавать необходимость пересмотра договора, не предвидевшего хода разыгравшихся событий, вовсе не обозначает стремления нарушить его. Г-н Пашич указал, что при добросовестном и беспристрастном отношении к делу союзники сумеют прийти к примирительному результату, а на случай неудачи имеется другой выход — верховный арбитраж России. Так же, по всем данным, смотрит на вопрос и Греция. Сербия, по словам г-на Пашича, не заключала сепаратного соглашения с Грецией, но таковое может явиться на свет, как самозащита против неприязненных действий Болгарии. Г-н Пашич готов в любое время отправиться в нейтральный пункт для предварительного дружеского совещания с премьерями союзных государств.

(Подп.) *Гартвиг*. [397]

* * *

Посланник в Белграде.

20 апреля 1913 г.

Я объяснился по содержанию Вашей телеграммы 17 апреля с г-ном Пашичем.

Сербия, сказал он, по-прежнему дорожит союзом с Болгарией и вовсе не покушалась разрушить его, а находит необходимым, ввиду происшедших событий, подвергнуть состоявшийся договор дружественному пересмотру. Он не теряет надежды, что обе державы сумеют прийти к полюбовному соглашению. Ежели бы, однако, это оказалось неосуществимым, сербское правительство всегда готово, в силу договора, представить свои притязания и толкования на суд императорского правительства.

(Подп.) *Гартви*.

* * *

Посланник в Белграде.

24 апреля 1913 г.

Г-н Пашич глубоко благодарен императорскому правительству за благожелательное отношение к Сербии и оценку его усилий согласовать политику Сербии с дружескими советами России. Он уже выразил готовность, как сообщалось в телеграмме моей 20 апреля, руководствоваться точкой зрения России в деле сербо-болгарских недоразумений; но, дабы разъяснить характер возникшей распри, дать нравственное удовлетворение сербской армии, умерить возбуждение политических кругов, наконец, дабы сохранить связь с Грецией, имеющей тождественные интересы с Сербией, и [398] таким путем облегчить будущую задачу арбитра, — г-н Пашич считает безусловно необходимым предварительный дружеский обмен взглядами между премьерями всех союзников или по крайней мере их уполномоченными.

(Подп.) *Гартвиг*.

* * *

Министр иностранных дел

посланникам в Белграде и Афинах.

С.-Петербург, 14 мая 1913 г.

Сербское и греческое правительства ведут, по-видимому, уклончивую и опасную игру, заявляя нам о своих мирных намерениях и в то же время уклоняясь от прямых и определенных ответов на наши представления, деятельно готовясь к совместной борьбе против Болгарии.

Мы не можем не предостеречь оба правительства против губительных результатов такой политики и поручаем Вам сделать министру иностранных дел самое серьезное представление в указанном смысле.

(Подп.) *Сазонов.*

* * *

Министр иностранных дел

посланнику в Белграде.

С.-Петербург, 5 июня 1913 г.

Благоволите оказать нужное воздействие для скорейшего ответа г-на Пашича. Дальнейшее упорство и промедление могут иметь самые губительные последствия.

Из верного источника узнаем, что нынешнее положение может длиться лишь несколько дней, после чего можно ожидать самых серьезных осложнений.

(Подп.) *Сазонов.* [399]

* * *

Министр иностранных дел

посланнику в Белграде.

С.-Петербург, 6 июня 1913 г.

Сведения, получаемые нами из различных источников, указывают на растущее в болгарской армии брожение в пользу немедленной войны или роспуска. Если Сербия не примет арбитража России без оговорок, по примеру Болгарии, болгарское правительство не будет ждать и свидание здесь премьеров не состоится.

Согласие Сербии на арбитраж России без оговорок не может рассматриваться в качестве какой-то уступки Болгарии.

Согласие Сербии на указанную постановку вопроса нужно не только для Болгарии, но и для нас, ибо без уверенности в подчинении нашему арбитражу обеих сторон без оговорок мы не можем осуществить обязанностей арбитра.

Благоволите пригласить г-на Пашича безотлагательно дать нам ясный и определенный ответ. Окажите все доступное Вам воздействие, чтобы предотвратить губительное и неминуемое иначе столкновение между союзниками.

(Подп.) *Сазонов.*

* * *

Посланник в Белграде.

8 июня 1913 г.

Получил Ваши телеграммы 5 и 6 июня.

Руководствуясь Вашими указаниями, я употребляю все усилия, чтобы склонить сербское правительство к принятию нашего арбитража без оговорок, но пока встречаю сильные препятствия. Общее впечатление здесь, что мы хотим заставить Сербию подчиниться всем требованиям Болгарии, [400] против чего я борюсь со всей энергией. Я не теряю пока надежды на благополучное решение. Хорошее влияние имело заявление, что мы приступим к сербо-болгарскому арбитражу только получив уверенность, что обязательному арбитражу также будет подвергнут и греко-болгарский спор.

(Подп.) *Гартвиг.*

* * *

Министр иностранных дел

русским представителям в Лондоне, Париже, Берлине, Риме, Вене, Константинополе, Софии, Белграде, Бухаресте, Афинах и Цетинье.

С.-Петербург, 12 июня 1913 г.

Мы относимся с осуждением и к Сербии, не давшей определенного ответа, подчиняется ли она арбитражу императорского правительства.

(Подп.) *Сазонов.*

* * *

Румынский министр в Белграде

министру иностранных дел в Бухаресте.

Белград, 23 февраля (8 марта) 1913 г.

Из нескольких мест узнаю, что Сербия ведет переговоры с греками о заключении оборонительного союза против Болгарии. Как правительство, так и греческий министр, конечно, непроницаемы. Последний проводит каждый день по несколько часов в министерстве иностранных дел.

(Подп.) *Филалити.* [401]

* * *

Румынский министр в Белграде

министру иностранных дел в Бухаресте

Генерал Радко Дмитриев отправляется в Россию по вопросу об определении границ между союзниками, которые, очевидно, не могут больше столкнуться друг с другом. Все, с кем я говорил по этому вопросу, заявили мне, что от генерала и до последнего солдата, все сербы, находящиеся под оружием, отказались уйти из Битоля и других городов, требуемых болгарями (на основании союзного договора), и предпочли бы быть убитыми Савовым, чем отказаться от того, что они завоевали.

(Подп.) *Филалити.*

* * *

Доклад его величеству королю.

Бухарест, суббота, 6 (19) апреля 1913 г.

Сегодня, в девять часов утра, меня посетил сербский полномочный министр, г-н Ристич, который говорил мне о существующих недоразумениях между сербами и болгарами. Он сказал мне, что болгары не исполнили обязательств, принятых ими на себя по союзному договору с сербами и проч. После этого введения, из которого я узнал о взаимных обязательствах союзников, г-н Ристич мне сказал, что г-н Пашич желает еще приятельского соглашения с болгарским правительством, но что в случае, если бы конфликт стал неминуемым, он его просит спросить нас, каково будет наше поведение и пожелали бы мы заключить с Сербией чисто оборонительный союз против Болгарии.

Я ответил ему, что прежде всего я должен доложить Е. В. королю о сделанном нам предложении и что я отвечу ему позже; очень возможно, [402] что мой ответ опоздает в ожидании результатов посредничества в Петрограде.

Имея в виду, что греческий король, в аудиенции при вручении отзывных грамот нашим полномочным министром, в конце марта, тоже говорил о союзе между Грецией и Румынией против болгарских претензий, возможно, что и греческое правительство сделает нам предложения, аналогичные с сербскими. Но, ввиду твердого поведения е. в. короля, я, естественно, и греческому правительству дам столь же уклончивый ответ. Всегда следует опасаться, чтобы до того момента, когда оба правительства открыто порвут с Болгарией и между ними вспыхнет настоящий конфликт, переговоры относительно союза с нами не сделали бы болгар более склонными к желаемым сербами и греками уступкам и чтобы снова не усилился их прежний союз во вред Румынии.

Мы можем вмешаться только в момент, когда уже вспыхнет вооруженный конфликт между сербами, греками и болгарами; нам необходимо иметь на этот случай развязанные руки, чтобы мы могли диктовать мир.

(Подп.) *Майореско.*

* * *

Доклад его величеству королю

Бухарест, 2 (15) мая 1913 г.

Сегодня, в 11 часов утра, греческий министр г-н Пападиамандопуло явился в министерство иностранных дел и, по распоряжению своего правительства, устно сообщил мне:

1. Что греческое правительство даст македоно-румынским церквам и училищам в землях, присоединенных к Греции, полную свободу функционировать [403] и пользоваться македоно-румынским языком.

Я ответил ему, что ожидал этого, после заявления г-на Венизелоса, сделанного г-ну Таке Ионеско еще в Лондоне, но что я прошу его подать мне теперь письменную декларацию и прибавить, что само собою разумеется, что румынское государство будет субсидировать (как и раньше, при владычестве турок) свои церкви и училища и что, согласно восточноправославным каноническим правилам, македоно-румынская церковь будет иметь право на одну епископскую кафедру.

Г-н Пападиамандопуло прибавил:

2. Греческое правительство желает знать, согласны ли мы заключить союз с Грецией ввиду того, что желания Болгарии становятся угрожающими.

Я ответил ему, что этот вопрос я должен доложить е. в. королю и моим коллегам министрам и, по моему личному мнению, в данный момент нужно покончить в парламенте с результатами посредничества в Петрограде и после этого решить, какое поведение выберет Румыния при новом балканском кризисе.

(Подп.) *Майореско.*

* * *

Доклад его величеству королю

Бухарест, воскресенье, 26 июня (9 июля) 1913 г.

Сегодня, в 10 часов утра, греческий министр г-н Пападиамандопуло снова явился ко мне, чтобы поговорить о союзе с Грецией против слишком большого увеличения Болгарии, и прибавил, что этот союз может образоваться и при участии в нем Турции. [404]

Относительно Турции, — ответил я ему, по моему мнению, благоразумнее будет подождать усиления ее внутреннего положения. Что же касается сближения с Грецией, то я отложил ответ на этот вопрос до тех пор, пока трения между союзниками не увеличатся еще больше.

(Подп.) *Майореско.*

Параллельно с этими усилиями найти против нас союзников, наши союзники старались не подписывать с турками договора, который готов в Лондоне уже с 19 апреля. Переговоры с несоюзниками о заключении союза против нас не могли быть известны публике. Но попытки сербского и греческого правительств затянуть переговоры в Лондоне не могли оставаться тайной. И возбуждение, причиненное этой проволочкой, было чрезвычайно сильно и в нашей армии, и в нашем народе и было мощным оружием в руках тех, кто вел пропаганду против наших союзников.

Я не раз обращал серьезное внимание и представителей Сербии и Греции, и представителей великих держав на те опасные последствия, которые могут явиться результатом этого. Но все было напрасно.

Больше того. Один из наших делегатов в Лондоне телеграфировал нам, что «сербские и греческие делегаты перед подписанием договора о мире ходили к турецкому посланнику Тефик-паше и предлагали ему телеграфировать в Царьград, чтоб оттуда дали инструкции Осману-Низами-паше не подписывать мира и выиграть время; за это они обещали туркам на случай конфликта между Болгарией, Сербией и Турцией компенсации, а именно: восстановления во Фракии границы на запад от Адрианополя. Однако Тефик-паша, как опытный государственный деятель старого режима, не поддался этому внушению и даже отказался телеграфировать».

Возмущенный таким поведением, которое, по всей вероятности, было известно ему во всех подробностях, [405] сэр Эдуард Грей в конце концов сделал памятный всем жест, о котором он писал в следующей циркулярной депеше своей к английским посланникам:

«Лондон, 15 мая. Сэр Эдуард Грей сказал балканским делегатам, что те из них, которые желают подписать прелиминарный договор без изменений, должны сделать это тотчас же. Те же, которые не расположены подписать, лучше всего сделают, если уедут из Лондона, так как бесполезно для них оставаться и продолжать обсуждения, единственным результатом которых являются бесконечные откладывания. Те, которые подпишут, получают нашу нравственную поддержку».

Одновременно английское агентство Рейтера телеграфировало, что «сообщение сэра Эдуарда Грея вызывает большое удивление в известных балканских кругах, которые видят в них явный характер вмешательства, а не посредничества».

И через два дня договор был подписан всеми делегатами. Это торжество Балканского Союза было встречено с бесконечной радостью всеми друзьями союзников. Единственная нотка, прозвучавшая диссонансом, долетела к нам от одного из союзников. Депешей от 17 мая, в день подписания мира, г-н М. К. Сарафов — наш делегат в Солуни — телеграфировал мне, что находящийся там г-н Венизелос жалуется ему на то, что «Великие Силы заставили их подписать мир, не приняв во внимание сделанных ими оговорок». Вопреки этой нотке, триумф Балканского Союза был бесспорен. Он преодолел не только крупную турецкую силу, но и мелкие счеты сербских и греческих шовинистов, предосудительная агитация которых вызвала жалобы со стороны гг. Пашича и Венизелоса, испытавших на себе всю силу их вредного влияния. У наших союзников, как и у нас, к сожалению, были военные и штатские, которые понимали под национализмом все то, что есть в нем наиболее [406] исключительного, наиболее вызывающего. Я думаю, что я не наношу им ни обиды, ни несправедливости, отмечая в их поведении то, что они, без сомнения, считают добродетелью. Но я должен припомнить пагубную роль, сыгранную ими

в те полные драматизма дни, которые закончились подписанием Лондонского договора, как и в следующие за ними, еще более трагичные, четыре недели, от 17 мая до 18 июня — от апофеоза Балканского Союза до его падения. [407]

Глава четвертая. Крушение Балканского союза

Трое было нас — министры-председатели Сербии, Греции и Болгарии — при подписании в Софии союзного договора между Болгарией и Сербией, между Болгарией и Грецией: гг. Милованович, Венизелос и я. Смерть преждевременно унесла первого еще 18 июня 1912 года. На его место 30 августа пришел г. Пашич. Мы втроем приготовили, начали и кончили Балканскую войну, к которой принудила нас Турция. Из нас троих двум моим коллегам суждено было начать и кончить и междусоюзническую войну. За месяц до начала ее я вышел в отставку.

Почему я подал в отставку? Это не составляет уже тайны в Болгарии. Критикуемый моими противниками за то, что я подал в отставку, критикуемый еще и за некоторые мои мнимые ошибки, будто бы [408] совершенные мною во время Балканской войны, я был принужден издать целую книгу [4], чтобы рассеять обвинения, [409] брошенные мне, и указать моим соотечественникам истинных виновников несчастий моего отечества. Я обнародовал в ней текст и мотивы моей отставки. Вот этот текст:

«Ваше Величество!

Телеграф принес нам известие, что договор о мире с Турцией сегодня подписан. С его подписанием оканчивается война, прославившая болгарское имя и возвеличившая болгарское отечество. Но с его подписанием начинается и ликвидация результатов, достигнутых в борьбе союзников против Турции. Для этой ликвидации, может быть, Ваше Величество найдет необходимым доверить управление страной новому кабинету. Чтобы дать возможность составить такое новое министерство, я имею честь просить Ваше Величество благоволить принять отставку председательствуемого мною кабинета.

Принося благодарность Вашему Величеству от имени Кабинета и лично от меня, и проч., и проч».

София, 17 мая 1914 г.

Ив. Ев. Гешов.

Что касается мотивов, то они были известны всем, посвященным в дело. Моя политика — желание кончить без войны с нашими союзниками и прибегнуть к арбитражу не только с Сербией, но и с Грецией — не была одобрена. Поэтому я счел необходимым предоставить главе государства решение вопроса, не нужно ли для ликвидации наших споров с союзниками позвать новых людей. Первый зачинатель Балканского Союза, я стал и его первой жертвой не столько потому, что пожертвовал своим председательским портфелем, сколько потому, что подвергся критике за то, что я покинул свой пост во время кризиса. Но я должен был подать в отставку, потому что существовало разногласие между [410] короной и мной, и потому еще, что ввиду критического положения необходим был тогда ширококоалиционный кабинет. Я был глубоко убежден, что ни одна из партий, придя к власти, не возьмет на себя тяжелой ответственности за вторую войну. И действительно, кабинет г-на Данева, который после неудачной попытки составить ширококоалиционный кабинет, стал у власти после меня и в который вошли члены двух партий, 9 июня единодушно решил, что г-н Данев поедет в Петроград для арбитража по нашим спорам с Сербией и Грецией.

И вопреки этому единодушному решению болгарского правительства и без его ведома, 16 июня, по приказанию болгарского верховного командования, II и IV болгарские армии напали на наших союзников. Те, которые советовали и предписали эти атаки, никем не были осуждены так жестоко, как мною. Текст их приказов обнародован комиссией Карнеги и справедливо был назван в ее рапорте как «мятежный и дерзкий». Но как бы история ни осудила этот преступный акт, она все-таки должна признать, что болгарский народ не может быть ответственным за него.

Мир видел, как Болгария начала Балканскую войну. После того, как весь министерский совет одобрил мобилизацию, было создано Народное Собрание для голосования кредитов еще до начала войны. Оно единодушно одобрило мобилизацию и голосовало кредиты. И после объявления турками войны манифест к народу был подписан царем и министрами. Может ли тогда этот самый народ быть ответственным за переворот, за преступное безумие, совершенное не только без предварительного согласия законодательного учреждения, но и без того, чтобы об этом знало ответственное правительство?

А что болгарское правительство не думало начинать войны с союзниками — это было доказано в последнее время перед болгарским правосудием. 8 января нынешнего года разбиралось дело об обиде, возбужденное против известного болгарского публициста г-на Д. Мишева. [411] Он представил суду удостоверение, выданное ему секретарем теперешнего министерского совета, который, как всем известно, является непримиримым противником прогрессистов и народников, бывших министрами 16 июня 1913 года. Вот что гласит это удостоверение, выданное 7 (20) января 1915 года, за № 66:

«Канцелярия министерского совета сим удостоверяет, что в протоколах министерского совета не было постановления о начатии военных действий 16 июня 1913 года против бывших союзников греков и сербов.

Это свидетельство выдается г-ну Д. Мишеву из Софии для представления его в софийский окружной суд по уголовному делу за № 2865/1914».

(Подп.) Секретарь *М. Арнаудов*.

Следовательно, единственный конституционный орган болгарского народа — болгарский кабинет — не только ничего не знал о том, что дан приказ напасть на войсковые части союзников, но и остановил действия, начатые, бесспорно, без его ведома 16 июня. И этот кабинет обратился к русскому правительству с настоятельной просьбой оказать энергичное воздействие и остановить враждебные действия со стороны сербов и греков. Но наши бывшие союзники не только отказались остановить военные действия, но и объявили войну Болгарии.

Текст сербской прокламации, объявлявшей эту войну, является неоспоримым доказательством, что не какие-то неотчетливые сербские факторы, а сербские министры решили воспользоваться первым удобным случаем, чтобы объявить войну Болгарии. Этим своим поступком они закончили зло, начатое приказом 16 июня. Балканский Союз был погребен.

Не я займусь распределением ответственности по этому погребению. Но так как я являюсь лицом, ответственным перед историей за заключение Балканского [412] Союза, я думаю, что не выполню своего долга вполне, если не скажу всего, что будет нужно будущему историку, который должен будет окончательно высказаться по вопросу об этом распределении.

I. Первая сербо-болгарская война

Два раза в течение двадцати восьми лет сербы объявляли нам войну.

В первый раз это было 1 ноября 1885 года. Милан пожелал расстроить соединение Болгарии с Восточной Румелией; это соединение было встречено с восторгом и в Англии и во Франции. Покойный император Александр III сказал депутации, отправленной в Копенгаген просить его одобрения, что «о разъединении и речи быть не может». Я сам слышал эти слова, так как был членом этой депутации.

Из Копенгагена я, по приказанию тогдашнего болгарского правительства, поехал в Лондон защищать дело соединения от противодействий со стороны Милана. 4 (16) октября, когда я представлялся тогдашнему министру иностранных дел лорду Сользбери, я случайно встретился в приемной министерства с сербским полномочным министром в Англии, г-ном Чедомилом Миатовичем. Из того, как он защищал тогдашнюю политику Милана, я с ужасом видел, по каким несостоятельным мотивам тогдашний король Сербии собирался бросить один братский народ против другого.

«Г-н Миатович признает, — писал я тогда по поводу этой встречи нашему министру иностранных дел, — что сербы пропустили момент для нашествия в Старую Сербию, и так как теперь, если они решат напасть на Турцию, они будут побеждены, то поэтому, вероятно, король Милан, чтобы хоть что-нибудь сделать, должен будет вступить в Болгарию». — «Это будет очень жаль, — заметил г-н Миатович, — и дай бог, чтобы нашлось [413] в последнюю минуту какое-нибудь средство предотвратить эту опасность. Но что делать, когда и Ваше правительство вот уже три года не хорошо живет с нами. Отчего Вы захватили Брегово? Почему обещали выслать Пашича и Павловича, а позволяете им интриговать против нас? Почему произвели этот переворот, не уговорившись предварительно с нами? Почему и теперь не обращаетесь к нам, чтобы столкнуться по-братски? Вот главные жалобы г-на Миатовича против нас». Я не упустил случая дать г-ну Миатовичу необходимые ответы и довел его до признания, что и для них будет очень опасно, если их безрассудное нападение на Болгарию вызовет затруднения и вмешательства, последствия которых их близорукий эгоизм еще не в состоянии предвидеть. Только одно замечание г-на Миатовича, думаю я, заслуживает внимания, а именно то, что нужно остановить всех сербских агитаторов. Наше правительство, если еще не сделало этого, должно сделать перед сербским правительством поступки о прямом соглашении.

Нужно здесь же прибавить, что тогдашнее болгарское правительство и до получения моего доклада послало в Сербию делегата, покойного г-на Грекова, но его не приняли. Если бы он был принят, то он мог бы опровергнуть бесосновательные утверждения адвоката короля Милана, будто мы захватили небольшой островок в Брегово и будто мы не интернировали г-на Пашича.

Ирония судьбы хотела, чтобы тогдашний болгарский чиновник, г-н Пашич, впоследствии стал министром-председателем Сербии и чтобы г-н Миатович должен был защищать его противоболгарскую политику.

На Западе тогдашняя политика Милана не пользовалась популярностью. Она единодушно осуждалась в Англии. Красноречивым выражением этого осуждения является нижеследующее письмо великого Гладстона, которое он тогда прислал мне. [414]

Хаурден-Кэстл, 15 октября 1885 г.

Любезный Господин!

Я имел честь получить Ваше письмо и едва ли должен уверять Вас в том, что я продолжаю интересоваться делами Балканского полуострова и особенно делами Болгарии.

С удивлением увидел я в газетах мое частное письмо (или его значительную часть) к г-ну де Лавелэ, которое, как я предполагаю, было переведено и перепереведено. Как бы то ни было, надеюсь, не будет вредным, если из этого письма станет ясно, что я стою за признание совершившегося факта, что я надеюсь, что присоединение будет реальным и что я совсем не одобряю, поскольку я имею сведения об этом, движения в роде тех, путем которых запугивают Вас Сербия и Греция, чьи права на вмешательство в дела стран, лежащих вне их границ, я не могу признать. Я не думаю, что имею право сказать больше, так как в этих запутанных делах гораздо легче человеку сделать зло, чем добро. Во всяком случае я не упущу отнестись с самым большим вниманием ко всякому письму от Вас.

Остаюсь, любезный господин, Ваш верный *У. Е. Гладстон*.

Однако, несмотря на возмущение европейского общественного мнения, Милан, возбуждаемый тогдашним австрийским правительством, объявил нам войну посланием, поразительно сходным с прокламациями некоторых великих сил в настоящей великой войне. Вот извлечение из сообщения об объявлении войны, отправленного, как я уже сказал, 1 (13) ноября 1885 года:

«Командующий I дивизией и пограничные власти одновременно сообщают, что болгарские войска [415] напали сегодня, 1 (13) ноября, в 7 1/2 часов утра, на позицию, занятую одним батальоном 1 пехотного полка на сербской территории, в окрестностях Власины. Королевское правительство видит в этом немотивированном нападении объявление войны, и я Вас прошу дать знать г-ну министру иностранных дел в Болгарии, что Сербия, принимая последствия этого нападения, считает себя в войне с Болгарией с субботы, 2 (14) ноября, с 6 часов утра».

Известно, что никакого нападения со стороны болгар тогда не было. Известно также, как кончилась эта война, объявленная без всяких мотивов против братской страны, когда эта последняя отправила все свои войска против турок. Милан был разбит в две недели. Болгарские войска на пути к Нишу были остановлены представителем Австрии, графом Кевенхюллером. А 20 января 1886 года в Бухаресте открылась конференция для подписания мира между победительницей Болгарией и побежденной Сербией. По странному совпадению, делегатом от Болгарии был я, а от Сербии — г. Миатович.

И случилось тогда небывалое в истории конференций событие.

После того как мы согласились с г-ном Миатовичем относительно первых двух статей — по восстановлению мира и приятельства между обоими государствами и по амнистии, — пришла телеграмма от Милана, в которой сообщалось, что он соглашается принять только одну единственную статью: «La paix est retablee entre la Serbie et la Bulgarie á dater du jour de la signature du present traite» — мир восстанавливается между Сербией и Болгарией со дня подписания настоящего договора. И мы подписали тогда договор о мире, содержащий эту единственную статью, причем мы не взяли у Сербии ни пяди земли, населенной сербами. [416]

Конечно, беспристрастная история не сочтет виновным сербский народ за достойные осуждения дела его тогдашнего короля. Но, думаю, и мы имеем право ждать, что она не осудит и болгарский народ, не ответственный за частичную атаку 16 июня, за это достойное осуждения дело неотчетливых факторов, которыми сербское правительство воспользовалось, чтобы отнять у нас обширные земли, признанные им за Болгарией по договору от 29 февраля 1912 года.

II. Вторая сербо-болгарская война

Как при рассмотрении междусоюзнических отношений во время Балканской войны, так и в беглых заметках об объявлении второй сербо-болгарской войны я буду пользоваться неболгарскими документами.

16 июня происходит нападение. А уже 17 болгарское правительство дает приказ остановить военные действия и просит г-на Неклюдова телеграфировать в Петроград, что Болгария просит посредничества России и о прекращении военных действий со стороны Сербии и Греции. И г-н Неклюдов телеграфировал следующее (Русская Оранжевая Книга, № 271).

«Согласно полученным сегодня известиям, произошли довольно серьезные столкновения болгарских войск с греческими и сербскими. Ввиду предстоящего выезда своего в С.-Петербург, г-н Данев усиленно просит Вас сделать возможное в Белграде и Афинах, дабы предупредить дальнейшие столкновения

(Подп.) *Неклюдов.*

Г-н Сазонов немедленно телеграфировал об этой просьбе русским представителям в Греции и Сербии. Телеграфировал он и в Софию в успокоительном смысле. [417] Из Афин были получены более примирительные депеши. Из Белграда, однако, пришел решительный отказ. Вот эти телеграммы (Оранжевая Книга, №№ 276, 274, 279, 278):

Министр иностранных дел посланнику в Софии

С.-Петербург, 17 июня 1913 г.

Укажите г-ну Даневу, что всякое осложнение на границе затруднит получение сербского согласия на передачу нам меморандума, вызывая новое возбуждение умов и ставя г-на Пашича в тупик. Думаем, что г-н Данев не хочет войны, и потому ему следует принять решительные меры к тому, чтобы в передовых войсках водворилось спокойствие.

(Подп.) *Сазонов.*

* * *

Посланник в Афинах.

17 июня 1913 г.

Ввиду одновременной атаки болгар на сербском и греческом фронтах король выезжает в Салоники для принятия командования греческой армией. Флот получил экстренное приказание отплыть к Элефтерису, где, по официальным сведениям, греческий отряд отрезан наступающими болгарскими силами. Г-н Венизелос считает, что, хотя война не объявлена, греческое правительство все же принуждено принять соответственные меры обороны. Оно еще готово идти на примирение, если со стороны болгарского правительства последует официальное сообщение о том, что наступление болгарских войск явилось следствием недоразумения.

(Подп.) *Демидов*. [418]

* * *

Посланник в Афинах.

18 июня 1913 г.

Г-н Венизелос сообщил мне, что внезапное нападение болгар, состоявшееся, несомненно, по преднамеренному общему плану и вытеснившее греков из многих занятых ими важных пунктов, создает для Греции обязанность продвинуть вперед войска для обороны самих Салоник, угрожаемых ныне неприятелем.

Министр усматривает в генеральном болгарском наступлении попытку создать совершившийся факт и насильственными средствами закрепить оккупационные права болгар на греческие области. При таких условиях он не может выехать ранее получения от болгарского правительства формального отречения от его последних действий — обратного отозвания болгарских войск до демаркационной линии, установленной протоколом, и официального заявления о принятии Болгарией обязательного арбитража, хотя бы и не общего, а одновременного с сербо-болгарским, по разграничению. Положение критическое.

(Подп.) *Демидов*.

В тот же день, однако, г-н Гартвиг телеграфировал из Белграда, что всякое мирное воздействие на правительство будет бессильно в силу всеобщего возбуждения, достигшего крайних пределов.

И не было больше пользы от какого бы то ни было воздействия на влиятельного Гартвига, так как раньше еще, чем его последняя телеграмма прибыла в Петроград, Сербия объявила войну Болгарии. Вот текст прокламации, о которой я говорил выше и в которой провозглашалась братоубийственная война. [419]

ПРИКАЗ

Верховного Командующего

от 18 июня 1913 года в Белграде

Солдаты!

По моему приказу от 6 октября прошлого года я позвал вас на войну против Турции для освобождения наших угнетаемых братьев, для освещения печального Косово. В течение неполного месяца вы своим мужеством, беспримерной храбростью и самопожертвованием победили неприятеля, освободили Косово.

Солдаты!

Война на Балканах окончена. Наши братья освобождены. Мир с Турцией заключен. Теперь вам следовало бы вернуться по домам, к своей работе, к своим родным, к своим милым и дорогим, которые вас с нетерпением ожидают.

К моему большому сожалению, мои дорогие солдаты, вы не можете еще вернуться по домам. Вы еще не можете увидеться со своими милыми и дорогими, не можете отдохнуть от тяжелых трудов. Болгары, вчерашние наши союзники, вместе с которыми еще недавно мы боролись плечо к плечу, которым мы, как настоящие братья, помогали всей душой и своею кровью облили их дорого стоящий Адрианополь, болгары оспаривают у нас те земли в Македонии, которые мы одни с такими жертвами приобрели. Болгария, вдвое увеличившаяся в этой общей союзнической войне, не уступает вдвое меньшей Сербии ни Прилепа королевича Марко, ни Битоля, где вы, мои храбрецы, так прославились и откуда выгнали последние турецкие войска, боровшиеся против нас. Болгария, [420] окруженная двумя морями, не дает Сербии связаться ни с одним морем. Сербия и ее творцы — сербская армия — не могут и не должны допустить этого. Они должны свои приобретения, свои кровавые приобретения беречь и охранять от всякого, даже и от своего вчерашнего союзника — болгар.

С нами вместе против болгар идут в войне и наши союзники — греки, у которых болгары также хотят отнять то, что они приобрели, и наши братья-черногорцы, потому что они хотят защищать сербскую землю.

Солдаты!

Во имя бога и нашего правого дела — вперед! Снова развеите сербское победоносное знамя и понесите его победоносно перед рядами нашего нового врага, как победоносно вы пронесли его от Вардара до Солуни, через Прилеп и Битоль, через Косово и Призрен.

Вперед, солдаты! Любящим Отечество и праведным помогает бог!

Петр (С.р.)

Настоящий приказ прочесть всем солдатам.

Начальник штаба верховной команды, почетный адъютант е.в. короля, воевода *Р. Путник (С.р.)*

VIII пехотный полк II призыва, народная армия № 222, 18 июня 1913 года.

Коменданту 1 батальона, для соответствующего распоряжения. Прочесть в батальоне при торжественной обстановке.

18 июня 1913 года. Орах.

Комендант, подполковник *Симеон Иованович*. [421]

Как видит читатель, в этом манифесте нет ни слова об атаках болгар, совершенных 16 июня, об атаках, которые, по словам г-на Гартвига, были причиной сильного возбуждения в Белграде. Очевидно, прокламация была напечатана до этих атак; тем более, что, изданная 18 июня в Белграде, она не могла 18-го же июня попасть в руки Орахского коменданта, подполковника Симеона Иовановича. Впрочем, по фотографии этого документа, помещенной в газете «Мир» от 25 июня 1913 года и которую я воспроизвожу в настоящей книге, видно, что в заглавии число «18 июня» и «в Белграде» написаны рукой.

Выступили и Греция с Сербией. Король Константин, как это устанавливается рапортом комиссии Карнеги, выехал еще 14 (27) июня в Солунь с прокламацией о войне против болгар в кармане. И к страхам Балканской войны присоединились ужасы войны междусоюзнической. Снова печать Каина заклеивала народы, которые стали так симпатичны всему образованному миру своей решительностью и своею храбростью в борьбе за свободу.

Писали тогда газеты, которые потом своим влиянием так много помогли грекам и сербам, что все союзники одинаково ответственны за эту последнюю войну. «Русское Слово» заявило, что если Сербия и Греция не прекратят военных действий, то тяжелая ответственность за братоубийственную резню падет на белградских и афинских политических деятелей. «Если эти последние отклонят предложение г-на Данева о прекращении враждебных действий, — продолжала та же русская газета, — они тем самым покажут вероломство и двуличность своей политики». Отозвалась 21 июня (4 июля) и «Temps», говоря, что хотя, как видно, болгары и напали первые, но сербы тотчас же показали, что только ожидали случая, чтобы обратить схватки аванпостов в настоящую войну. Греки, жаловавшиеся в последнее время на снаряды, брошенные в их флот болгарями в Кавале, покрыли себя позором бесславной резни 1200 болгарских солдат в Солуни. [422]

Одну поправку, думаю, история внесет в этот приговор. А именно: что в то время, как в Болгарии провинились только неотчетливые факторы, — у других ответственные правительства отнеслись к подписанным ими договорам как к клочкам бумаги. Самым бесцеремонным образом были растоптаны эти договоры.

И кто знает, те, кто вне Болгарии усерднее всех растаптывали эти договоры, не будут ли первыми раскаиваться в этом? Крах Балканского Союза и нынешняя великая война не кроют ли в себе для них неожиданностей и разочарований?

Мученик возвышенного идеала, который он поставил себе в своей непреложной цели, Балканский Союз умер мученической смертью. Нет ничего более тяжелого, чем междусоюзнические схватки, как та солунская, о которой пишет французская газета, и чем междусоюзнические битвы, облившие кровью поля только что освобожденных общей союзнической кровью македонских и фракийских областей. Нет ничего печальнее того способа, по которому в Бухаресте, на этом лобном месте Балканского Союза, была похоронена та этническая автономия балканских народов со всеми ее последствиями, которая была единодушно указана союзными балканскими государствами, как цель их лиги, как объект того, что преследовали они своей мобилизацией. По Бухарестскому договору не только болгарские земли были разделены между сподвижниками по краху Союза, но болгарам — жителям отнятых у Болгарии земель — не были гарантированы даже самые существенные последствия этнической автономии^[5]. В столице Румынии были забыты кардинальные условия умиротворения Балканского полуострова, была забыта и [423] вечная истина, что не следует злоупотреблять силой. «C'est au moment ou Ton veut redoubler de force qu'on doit redoubler de grace», — сказал Э. Ростан. Именно когда человек желает стать вдвое сильнее, он должен стать вдвое милостивее. Для Болгарии не оказалось милости у тех, кому она принесла столь же бесспорные, сколь и бесценные услуги. Не оказалось милости для страны, которая непосильными жертвами сломила главную мощь турок и таким образом облегчила задачу своим нынешним противникам.

Болгария была ограблена, погублена, унижена, обесславлена.

Есть боли, которые немы. Неизгладимым горестям подобает молчание. И если я, сломленный этими болями и этими горестями, нахожу теперь силу высказаться, то делаю это потому, что считаю своим повелительным долгом еще до окончания нынешней кровавой распри раскрыть все то, что я знаю по вопросу об ответственности по краху Балканского Союза: этот крах не только вызвал новый хаос на Балканском полуострове, но и мощно содействовал началу великой войны. Если суд над частными лицами есть наиболее трудная и наиболее благородная функция, доверенная человеку по отношению к обществу, то гораздо труднее и возвышеннее миссия, когда на него возлагается суд над народами. И прежде чем общественное мнение цивилизованного мира выскажет приговор по ответственности болгарского народа за разрушение Балканского Союза, необходимо, я думаю, терпеливо выслушать основанные на фактах и документах объяснения болгар, которые были непоколебимыми защитниками этого Союза, непримиримыми противниками его врагов.

Самые страшные из этих врагов не были в Болгарии. Не здесь они и теперь. Впервые после междусоюзнической войны в болгарском парламенте заговорили о восстановлении того сближения между балканскими народами, крушение которого принесло и им, и целому [424] миру неисчислимые бедствия. И считается оно осуществимым и теперь, если будет удовлетворена Болгария, так как никакие жизненные интересы Сербии и Греции не требовали произведенного в Бухаресте раздела Македонии. Ведь иначе Сербия не согласилась бы по договору от 29 февраля 1912 года уступить Болгарии так называемую бесспорную зону Македонии, а Греция через гг. Вензелоса и Геннадиуса («Преступное

безумие», стр. 12) не предлагала бы, чтобы Болгария уступила ей только Солунь, так, чтобы границей была «линия озер по основанию Халкидики».

Никто не отрицает героизма, с которым сербский народ плечо к плечу с Тройственным Соглашением борется теперь против великой державы. Но никто не будет отрицать, что не он разгромит эту великую силу. Способно ее разгромить только то Тройственное Соглашение, которое не вступило бы в исполинскую войну и не принесло бы тех жертв, которые оно приносит, если бы не приходилось спасать Сербию и Бельгию. Весь мир преклоняется перед храбростью и самоотверженностью этих двух народов. Но если самоотверженность и храбрость создают титулы свободы и объединения, если народы, которые их проявляют, заслуживают того, чтобы быть избавленными от гибели, то не приобрел ли и болгарский народ подобных титулов, не заслужил ли и он такой же самой судьбы? Спасая Сербию и Бельгию, истощаются великие силы. Никаких жертв от этих великих сил не просит Болгария, не за ее спасение бьются они теперь. Но Болгария имеет право, за былые услуги свои по разгрому Турции, за услуги, которые гораздо значительнее услуг Сербии по разгрому Австрии, имеет право, говорю я, требовать справедливости от этих великих сил, требовать, чтобы по отношению к ней были приложены те спасительные принципы, которые так авторитетно поставлены целью настоящей войны. 9 ноября прошлого года на банкете в Гуид-Холле французский посланник в Лондоне г. Поль Камбон, говоря от имени сил Тройственного Соглашения, сказал, что последнее [425] бьется за маленькие угнетенные народности. Десять дней спустя после этой речи, английский центральный комитет для осведомления общественного мнения о причинах войны разослал циркуляр, подписанный нынешним английским министром-председателем г-ном Асквитом и двумя бывшими министрами-председателями Англии, лордом Розбери и г-ном Бальфуrom. В этом воззвании говорится следующее:

«Наше дело вдвойне правое, потому что мы бьемся не только в защиту нашего существования, нашей свободы, но и за право маленьких народов наслаждаться такой же свободой; и за цивилизацию и демократию, как мы их понимаем».

Если такова цель Тройственного Соглашения, если оно желает того прочного мира, который должен основываться на принципе свободного самоопределения народов, то мыслимо ли, чтобы Болгарии было отказано в том, что и великие силы, и балканские государства до крушения Балканского Союза считали принадлежащим ей? Будет ли оставлена неисправленной несправедливость, совершенная в Бухаресте? Останется ли неисправленной она даже и в том случае, если Болгария поздно примет участие в настоящей войне, как поздно приняла участие и Сербия в войне 1877 года, или если она совсем не примет участия, как совсем не приняла участия в 1877 году Греция? Тогда были удовлетворены желания и сербов, и греков. Останутся ли неудовлетворенными теперь только желания Болгарии? *Res sacra miser*. Несчастный — священная вещь. Обиженная, бедная Болгария имеет, я думаю, больше кого бы то ни было право на то, чтобы ее судили беспристрастно, право на то, чтобы с ней обращались как с другими. [426]

Приложение.

Болгарские договоры и конвенции с Сербией и Грецией

1. Договор о дружестве и союзе между Царством Болгарией и Королевством Сербией

Его величество Фердинанд I, Царь Болгар, и его величество Петр I, Король Сербии, проникнутые уверенностью во взаимности интересов и в тождестве судьбы их держав и обоих братских народов, болгарского и сербского, и установившие солидарно общей силой охранять эти интересы и стараться об их всестороннем осуществлении, согласились о следующем:

Ст. 1. Царство Болгария и Королевство Сербия взаимно гарантируют одно другому государственную независимость и целокупность государственной территории, причем обязываются абсолютно и без всякого ограничения прийти на помощь одно другому всей своей силой во всяком случае, когда на одну из них нападает одно или больше других государств.

Ст. 2. Обе договаривающиеся стороны обязываются также прийти на помощь одна другой всей своей силой в случае, если какая бы то ни было великая сила попытается присоединить, или оккупировать, или занять своими войсками, хотя бы и временно, какую бы то ни было [427] часть балканских территорий,

которые находятся теперь под турецкой властью, если одна из них сочтет это противным своим жизненным интересам и *casus'om belli*.

Ст. 3. Обе договаривающиеся стороны обязываются не заключать мира иначе, как сообща и по предварительному соглашению.

Ст. 4. Для полного и наиболее целесообразного исполнения настоящего договора будет заключена военная конвенция, в которой исчерпывающим образом будет предусмотрено как все, что должно будет быть предпринято одной и другой стороной в случае войны, так и все, что в отношении военной организации, дислокации и мобилизации армии и отношений верховных командований, должно было бы быть утверждено в мирное время для приготовлений к военному положению и успешному ведению войны. Военная конвенция будет считаться составной частью настоящего договора. К ее выработке будет приступлено не позже 15-ти дней после подписания настоящего договора, а для окончания ее выработки оставляется срок не больше двух месяцев.

Ст. 5. Договоры будут подписаны в двух одинаковых экземплярах, и оба на болгарском и сербском языках. Их подпишут государи и министры иностранных дел. Военная конвенция, так же в двух экземплярах, оба на болгарском и сербском языках, будет подписана государями, министрами иностранных дел и специальными военными уполномоченными.

Ст. 6. Договор и военная конвенция могут быть опубликованы или сообщены другим государствам только по предварительному соглашению обеих договаривающихся сторон к притом сообща и одновременно.

Также только по предварительному соглашению какая бы то ни было другая держава сможет быть принята в союз.

Составлен в Софии 29 февраля тысяча девятьсот двенадцатаго года.

Ив. Ев. Гешов.

М. Милованович. [428]

2. Секретное приложение (Аппехе) к договору о приятельстве и союзе между Царством Болгарией и Королевством Сербией

Ст. 1. В случае, если в Турции наступят внутренние беспорядки, которые создали бы опасность для государственных или национальных интересов договаривающихся сторон или одной из них, как равно и в случае, если бы вследствие внутренних или внешних затруднений, которые могли бы наступить в Турции, возник вопрос о сохранении *status quo* на Балканском полуострове, та из обеих договаривающихся сторон, которая первая пришла бы к убеждению, что вследствие этого нужно прибегнуть к вооруженному выступлению, обращается с мотивированным предложением к другой стороне, которая должна сейчас же приступить к обмену мыслей и, если не согласится со своей союзницей, должна дать ей мотивированный ответ.

Если будет достигнуто соглашение о выступлении, то оно сообщается России, и если она не воспротивится, выступление начинается согласно достигнутому соглашению и воодушевляясь во всем чувствами солидарности и взаимности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, прибегнуть к мнению России, каковое мнение будет, если и поскольку Россия выскажется, обязательным для обеих сторон.

Если Россия не пожелает высказать своего мнения и если соглашение между договаривающимися сторонами и после этого не сможет быть достигнуто, то тогда, если сторона, которая за выступление, сама на свою ответственность начнет выступление против Турции, другая сторона обязана будет сохранять приятельский нейтралитет по отношению к своей союзнице, причем сейчас [429] же объявит мобилизацию в размерах, предусмотренных в военной конвенции, и всеми своими силами придет на помощь своей союзнице, если какая-нибудь третья держава станет на сторону Турции.

Ст. 2. Все территориальные приобретения, которые будут получены совместным действием в смысле статей 1 и 2 договора, как и статьи 1 настоящего секретного приложения, поступают в общее владение (condominium) обеих союзниц, и их ликвидация произойдет сейчас же и в срок не позже трех месяцев после того, как мир будет восстановлен, и то на следующих основаниях:

Сербия признает за Болгарией право на территорию на восток от Родопов и реки Струмы, а Болгария — за Сербией право на территорию на север и на запад от Шарры.

Что касается территории между Шаррой и Родопами, Архипелагом и Охридским озером, то если обе стороны убедятся, что организация этой территории в виде отдельной автономной области невозможна, ввиду общих интересов болгарской и сербской народностей или по другим внешним или внутренним причинам, то с этой территорией поступят на основании следующих заявлений: Сербия обязывается не требовать ничего по ту сторону линий, отмеченной на прилагаемой карте, каковая линия начинается у турецко-болгарской границы от вершины Голем (севернее Кр. Паланка), следует в общем юго-западном направлении до Охридского озера, проходя через вершину Китка, между селами Метехово и Подержиконь, через вершину восточнее села Нерава, по водоразделу до возвышенности 1000, севернее села Башево, между селами Любенцы и Потырлица, через вершину Острич 1000 (Лисец-гора), возвышенность 1050, между селами Драч и Опила, через села Талишманцы и Живалево, возвышенность 1050, возвышенность 1000, через село Кышали, по главному водоразделу Градищеры до вершины Горище, к возвышенности 1023, по водоразделу между селами Иванковцами и [430] Логинцами, через Ветерское и Сопот на Вардаре и через Вардар по горным хребтам к возвышенности 2550 и до Перепомеры, по ее водоразделу между селами Крапа и Барбарес до возвышенности 1200, между селами Ерkenово и Дреново, до возвышенности Чесма (1254), по водоразделу Бабары и Крушка Тепеси, между селами Салп и Церское, до вершины Протойской горы восточнее села Белица, через Брежаны до возвышенности 1200 (Ильинская гора), по водоразделу через возвышенность 1330, до возвышенности 1217 и между селами Ливоища и Горенцы до Охридского озера у монастыря Губовцы; а Болгария обязывается принять эту границу, если Е. И. В. русский царь, которого попросят быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу этой линии. Разумеется, что обе стороны обязываются принять в качестве окончательной границы ту линию, которую е. и. в. русский царь в вышеуказанных границах нашел бы наиболее отвечающей правам и интересам обеих сторон.

Ст. 3. Копии договора и настоящего секретного приложения, как равно и военной конвенции, будут совместно сообщены царскому русскому правительству, причем одновременно попросят его принять их к сведению, быть благосклонным к их целям и ходатайствам перед е. и. в., чтобы он соизволил принять и одобрить роли, предопределенные как для него, так и для его правительства договорными постановлениями.

Ст. 4. Всякий спор, который появился бы по поводу толкования и исполнения какого бы то ни было распоряжения настоящего договора, секретного приложения и военной конвенции, предоставляется окончательному решению России, если только одна или другая сторона заявит, что считает невозможным достичь соглашения непосредственными переговорами.

Ст. 5. Ни одно из распоряжений настоящего секретного приложения не может быть разглашено, ни сообщено какой бы то ни было другой державе без предварительного [431] соглашения обеих сторон и согласия России.

Составлено в Софии 29 февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

Ив. Ев. Гешов.

М. Милованович.

3. Военная конвенция между Царством Болгарией и Королевством Сербией

Согласно с духом и на основании ст. 3. приятельского и союзного договора между царством Болгарией и королевством Сербией и, наконец, для лучшего обеспечения успешного ведения войны и для более полного осуществления целей, которые союз имеет в виду, обе договаривающиеся стороны постановили

нижеследующие условия, которые будут иметь такую же силу и стоимость, как и предписания того же договора.

Ст. 1. Царство Болгария и королевство Сербия обязываются в случаях, предусмотренных в статьях 1 и 2 союзного договора и в ст. 1 секретного приложения к этому договору, оказывать друг другу взаимное содействие: Болгария вооруженной силой не меньше чем в двести тысяч солдат и Сербия силой не меньше ста пятидесяти тысяч солдат, находящихся в состоянии как сражаться на границе, так и принять участие в военных операциях вне родной территории.

В это число не входят ни солдаты сверхкомплектного состава, ни солдаты третьего сербского бана, ни болгарское ополчение.

Эта армия должна будет быть выслана на границу или за границу родной территории в направлении местности, где разовьются военные действия, и согласно [432] причинам и целям войны — не позже чем через 21 день после объявления войны или после сообщения одного из союзных правительств, что *casus foederis* наступил. Во всяком случае, и до истечения этого срока обе стороны будут считать своим союзническим долгом — если это будет сообразно с естеством военных действий и сможет повлиять на благоприятный исход войны — посылать, даже по частям и соразмерно с мобилизацией и концентрацией, свои войска на театр военных действий начиная с седьмого дня от объявления войны или от начала *casus foederis*.

Ст. 2. Если Румыния нападет на Болгарию, Сербия должна сейчас же объявить ей войну и отправить против нее свои силы, не меньше ста тысяч солдат, или к среднему Дунаю, или на театр военных действий в Добрудже.

В случае, если Турция нападет на Болгарию, Сербия обязывается вступить в Турцию и отделить часть своих мобилизованных войск, не меньше ста тысяч солдат, и послать ее на Вардарский театр военных действий.

Если Сербия окажется в то время одна или вместе с Болгарией в войне с третьей державой, то она употребит против Румынии или против Турции все свои свободные войска.

Ст. 3. Если Австро-Венгрия нападет на Сербию, Болгария обязуется объявить сейчас же войну Австрии и послать свои войска, не меньше двухсот тысяч солдат, в Сербию, так, чтобы, соединившись с сербской армией, они действовали, нападательно или оборонительно, против Австро-Венгрии.

Такая же обязанность на Болгарию по отношению к Сербии ложится в случае, если Австро-Венгрия, под каким бы то ни было предлогом, с согласия или без согласия Турции, вышлет свои войска в Новобазарский санджак и Сербия будет принуждена объявить ей войну или, в защиту своих интересов, выслать свои войска в санджак и таким образом вызвать вооруженный конфликт с Австро-Венгрией. [433]

В случае, если Турция нападет на Сербию, Болгария обязуется сейчас же перейти турецкую границу и отделить от своей армии, мобилизованной согласно ст. 1 настоящей конвенции, не меньше ста тысяч душ, которые будут высланы на Вардарский театр военных действий.

Если Румыния нападет на Сербию, Болгария обязуется напасть на румынские войска, как только они перейдут Дунай и вступят на сербскую территорию.

Если Болгария, в одном из случаев, о которых говорится в настоящей статье, окажется сама или вместе с Сербией в войне с какой-нибудь третьей державой, то она обязуется оказать Сербии помощь всеми своими войсками, которые оказались бы свободными.

Ст. 4. Если Болгария и Сербия по предварительному соглашению объявят войну Турции, то и одна и другая обязуются, если не будет установлено иначе другим специальным распоряжением, отделить от своих войск, мобилизованных сообразно с ст. 1 настоящей конвенции, не меньше ста тысяч душ и послать их на Вардарский операционный театр.

Ст. 5. В случае, если одна из договаривающихся сторон объявит войну третьей державе без предварительного соглашения и без согласия другой договаривающейся стороны, то эта последняя освобождается от обязательств, предусмотренных в ст. 1 настоящей конвенции, но обязывается сохранять в продолжение войны приятельский нейтралитет по отношению к своей союзнице, а также сейчас же мобилизовать силу не меньше чем в пятьдесят тысяч солдат, которая будет сосредоточена так, чтобы возможно лучше обеспечить свободное движение своей союзнице.

Ст. 6. В случае совместной войны ни одна из договаривающихся сторон не имеет права заключать с неприятелем перемирия дольше чем на 24 часа без предварительного соглашения и без согласия другой стороны. [434]

Для того чтобы можно было начать переговоры о мире, и для того, чтобы можно было подписать мирный договор, нужно предварительное и письменное согласие.

Ст. 7. До тех пор пока продолжается война, войска каждой из договаривающихся сторон будут под командой, и все их операции будут под руководством их собственного командования.

Когда военные корпуса армий обеих держав действуют против одного и того же объекта, общее командование для частей одинаковой важности примет старший по чину начальник, причем будет иметься в виду выполненное командование.

Когда одна или несколько разных армий, принадлежащих одной из договаривающихся сторон, будут предоставлены в распоряжение другой стороны, они будут подчиняться приказам своих собственных начальников, которые, в отношении руководства стратегическими операциями, будут подчинены главнокомандующему армией, в распоряжение коей они предоставлены.

В случае совместной войны с Турцией главное командование на Вардарском операционном театре будет принадлежать Сербии, если главная сербская армия будет действовать на этом театре и если она будет численно сильнее болгарской армии, действующей на том же театре, согласно ст. 4 настоящей конвенции. При всем том, если главная сербская армия не оперирует на этом театре и является численно слабее болгарских войск, то главное командование на этом театре предоставляется Болгарии.

Ст. 8. В случае, если войска обеих договаривающихся сторон будут поставлены под командование общего начальника, то все предписания и приказы по стратегическому ведению общих тактических операций будут составляться на двух языках: по-болгарски и по-сербски.

Ст. 9. Что касается обмундирования и вообще продовольствия, размещения, медицинской помощи, транспорта раненых и больных или погребения мертвых, [435] транспорта военных материалов и тому подобных предметов, то армия каждой из договаривающихся сторон будет пользоваться теми же правами и привилегиями на территории другой стороны и теми же способами, как и войска этой последней стороны, согласно местным законам и правилам. Все местные власти обязаны, с этой целью, оказывать содействие союзным войскам.

Плата за все продовольствие будет производиться каждой стороной за ее счет по местным ценам, предпочтительно наличными деньгами, в исключительных случаях специально выдаваемыми расписками.

Перевозка войск и всех военных материалов по железным дорогам и расходы по этой перевозке будут за счет страны, по территории которой происходит транспорт.

Ст. 10. Трофеи принадлежат войскам, которые их взяли.

В случае, когда эти трофеи взяты в общем бою на одном месте, обе армии разделят их между собой соразмерно силам воюющих, принимавших прямое участие.

Ст. 11. Во время войны каждая из договаривающихся сторон будет иметь одного делегата в штабе главной команды или при командовании войсками, каковые делегаты будут поддерживать связи между обеими армиями во всех отношениях.

Ст. 12. Стратегические операции и непредвиденные случаи, равно как и споры, которые могли бы появиться, будут решаемы по общему согласию обоих главных командований.

Ст. 13. Начальники главных штабов союзных армий согласятся, сейчас же после заключения настоящей конвенции, о распределении мобилизованных войск, согласно первой статье настоящей конвенции, и об их сборе в концентрационной зоне в случаях, изложенных ниже; о путях сообщения, которые нужно поправить или выстроить для быстрого сосредоточивания войск на границе и для дальнейших операций. [436]

Ст. 14. Настоящая конвенция входит в силу со дня подписания ее и будет иметь силу, пока будет в силе приятельский и союзный договор, к которому она прибавлена как его составная часть.

София, 29 апреля 1912 года.

Ив. Ев. Гешов.

М. Милованович.

Генерал-лейтенант *Н. Никифоров.*

Генерал *Р. Путник.*

4. Соглашение между болгарским и сербским штабами армий

Согласно ст. 13 военной конвенции между царством Болгарией и королевством Сербией, их назначенные делегаты, на основании соответствующих операционных планов, согласились о следующем:

При войне Болгарии и Сербии с Турцией:

При предположении, что главная турецкая армия будет сосредоточена в районе: Скопье — Куманово — Кратово — Кочаны — Велес союзные войска для действия на Вардарском операционном театре будут распределены следующим образом:

1. Одна сербская отдельная армия из двух дивизий наступит через Кара-Даг к Скопье, каковая армия образует правое крыло союзной армии.
2. Одна сербская армия из пяти пехотных и одной кавалерийской дивизий наступит по долине Моравицы и Пчины на фронт Куманово — Кратово. Эта армия образует центр союзных войск, с задачей действовать по фронту неприятеля. [437]
3. Одна болгарская армия из трех дивизий образует левое крыло союзных войск, с задачей действовать на правом фланге и в тылу неприятеля в направлениях Кюстендиль, Кривая Паланка, Скопье, Куманово, Царево-Село, Кочан.
4. Оба начальника штабов армий совместно рекогносцируют район между Кюстендилем и Враньей, и если результат этой рекогносцировки покажет, что в направлении Кюстендиль — Эгри-Паланка — Скопье можно употребить большие массы, тогда обе сербские дивизии, назначенные действовать через Кара-Даг на Скопье, будут употреблены для усиления левофланговой союзной армии, если общая обстановка «позволит, причем они сосредоточатся при Кюстендиле.
5. Для обеспечения правого фланга союзных войск начальник штаба сербской армии употребит остающиеся три дивизии II призыва по своему усмотрению.
6. Начальник штаба болгарской армии обязуется действовать для более быстрого проведения пути от Босилограда к Власине.

7. Если положение будет требовать усиления болгарских войск на Марицком операционном театре и если для операций на Вардарском операционном театре не нужно будет держать всех уговоренных войск, то нужные войска будут перенесены с Вардарского на Марицкий операционный театр, и наоборот — если положение потребует усилить союзные войска на Вардарском операционном театре и если для операций на Марицком операционном театре не нужно будет держать все определенные войска, тогда нужные войска будут перенесены с Марицкого на Вардарский операционный театр.

ДОБАВЛЕНИЕ

Оба штаба армий обязуются:

- а) Обмениваться всеми сведениями о соседних армиях. [438]
- б) Посылать друг другу нужное количество всех уставов, инструкций, карт и пр., как официальных, так и секретных.
- в) Посылать в союзную армию известное число офицеров для ознакомления с армией и изучения языка, согласно ст. II военной конвенции.
- г) Начальники штабов болгарской и сербской армий будут встречаться ежегодно осенью, чтобы ориентироваться в общей обстановке и вносить в их соглашения необходимые изменения, которые будут продиктованы переменой обстановки.

19 июня 1912 года, г. Варна.

(Подп.) Генерал *Р. Путник*.

(Подп.) Генерал *Фичев*.

Замечание. Группировка союзных войск и первоначальная идея операций принадлежит сербскому Генеральному штабу, за что не принимаю никакой ответственности.

(Подп.) Генерал *Фичев*.

5. Мнения представителей Генеральных штабов

При встрече и рассмотрении операционного плана против Турции начальник болгарского Генерального штаба предложил:

1. Считаю главным военным театром в войне против Турции, на который нужно направить решительный удар, долину реки Марицы, так как предполагаю, что главная сила турецкой армии, и по причине устройства поверхности почвы, и важных стратегических объектов, будет расположена там. [439]
2. Предлагаю, чтобы союзный сербский главный Генеральный штаб обсудил, каким образом, ввиду моей вышеуказанной точки зрения, можно усилить болгарскую армию в долине реки Марицы так, чтобы она приобрела численное превосходство над неприятелем, причем имеется в виду, что турецкие силы — как предполагается — будут сосредоточены там.
3. Нужные войска для усиления болгарской армии на Марицком военном театре могут быть взяты из союзных контингентов с Македонского военного театра независимо от того, к какой национальности они принадлежат.

23 августа 1912 г., Белград.

Начальник штаба болгарской армии, Генерального штаба

(Подп.) Генерал-майор *Фичев*.

При встрече и рассмотрении операционного плана против Турции начальник сербского главного Генерального штаба полагает:

1. Что Вардар будет главным военным театром, и что самые большие неприятельские силы будут сосредоточены там.
2. На основании этого рассуждения нужно сначала на этом военном театре концентрировать более многочисленную союзную силу.
3. Главный Генеральный штаб, оценивая общую важность Вардарского военного театра, а особенно имея в виду конфигурацию его поверхности и времени года, в которое предвидятся операции, а кроме того, и то политическое обстоятельство, что против турецкой армии на том же военном театре будут одновременно оперировать греческая и черногорская армии, заявляет:

- а) что против турецкой армии на Вардарском военном театре должна оперировать вся сербская армия;
- б) союзная болгарская армия должна выслать на Вардарский военный театр прямо из Кюстендила не [440] меньше одной своей дивизии (24 батальона с артиллерией и остальными необходимыми частями) в состав сербской армии.

Заместитель помощник начальника главного

Генерального штаба полковник

(Подп.) *Животин Мишич*.

6. Соглашение между болгарским и сербским Генеральными штабами

На основании ст. 4 военной конвенции между Царством Болгарией и Королевством Сербией, их назначенные делегаты начальники соответствующих Генеральных штабов, обсудив проект наступательной войны против Турции, по взаимному согласию приняли следующее решение:

1. Вся сербская армия будет действовать на Македонском операционном театре, причем она обязывается обеспечить операционное направление Эгри-Паланка — Кюстендиль.
2. Целая болгарская армия будет действовать в долине реки Марицы, причем на первое время оставит одну дивизию на линии Кюстендиль — Дупница. Для охраны города Дупницы будет оставлен специальный гарнизон.
3. Одна сербская дивизия первого призыва будет перевезена в Кюстендиль по железной дороге и с болгарской дивизией на первое время образует армию, которая будет кооперировать с сербской главной армией.

Если сербская главная армия отбросит турок с линии Скопье — Велес — Шип и нападет на юг, то тогда болгары смогут воспользоваться своей дивизией, чтобы усилить войска на Марицком театре, оставляя ополченские войска на Македонской границе. [441]

4. Организация транспорта будет происходить по следующему пути: линия Пирот — Цариброд — София — Кюстендиль будет оставлена в распоряжении сербского Генерального штаба с пятого дня мобилизации. Транспорты будут перевозиться сербскими поездами, так как в это время болгарский подвижной состав будет занят.

5. Продовольствие сербской дивизии будет первоначально обеспечено болгарским военным министерством.

Полученные продовольственные припасы будут возвращены сербским военным министерством.

6. Соглашение между начальниками соответствующих Генеральных штабов от 19 июня 1912 г. (подписанное в г. Варне) остается в силе и при настоящей комбинации.

15 сентября 1912 г., София

Подписал: начальник штаба болгарской армии генерал-майор *Фичев*.

Подписал: генерал *Р. Путник*.

7. Оборонительный союзный договор между Болгарией и Грецией

Имея в виду, что оба царства сильно желают сохранения мира на Балканском полуострове и могут, путем солидного оборонительного договора, лучше всего ответить этой необходимости.

Имея в виду, в том же порядке мыслей, что одновременное мирное существование разных народностей Турции, на основе реального и истинного политического равенства и уважения прав, вытекающих из договоров или другим путем предоставленных христианским народностям в империи, составляют необходимые условия утверждения положения на Востоке. [442]

Имея, наконец, в виду, что совместная работа обоих царств в вышеуказанном смысле, в интересах их добрых отношений с Османской Империей, может облегчить и укрепить согласие между болгарским и греческим элементами в Турции.

Правительство его величества царя болгар и его величества короля эллинов, обещая друг другу, что они не будут придавать какой бы то ни было нападетельной тенденции своему чисто оборонительному соглашению, и решив заключить между собою мирный и взаимно-покровительствующий договор с изложенным ниже содержанием, назначили своими уполномоченными, которые, обменявшись своими полномочиями, установили следующее:

Ст. I. Если, вопреки искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон и вопреки поведению их правительств для избежания всякого нападения и всякого вызывательства по отношению к Турецкой империи, на одну из обеих держав нападет Турция, или на ее территории, или систематическим нарушением прав, вытекающих из договоров или основных принципов международного права, обе высокие договаривающиеся стороны обязуются оказывать взаимное содействие всеми своими вооруженными силами и после этого не заключать мира иначе, как совместно и согласно.

Ст. II. Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обещают друг другу, с одной стороны — употребить свое нравственное влияние на своих сонародников в Турции в смысле искреннего содействия мирному существованию элементов, составляющих население империи, и с другой — оказывать друг другу взаимное содействие и выступать перед турецким правительством или перед великими силами дружно во всяком деле, которое будет иметь целью добиться или обеспечить осуществление прав, вытекающих из договоров или другим путем предоставленных греческой и болгарской народности, применение политического равенства и конституционных гарантий. [443]

Ст. III. Настоящий договор будет иметь силу в течение трех лет со дня подписания его и будет молчаливо продолжен еще на год, если не будет денонсирован. Денонсирование должно быть объявлено по крайней мере за шесть месяцев до истечения третьего года со дня подписания.

Ст. IV. Настоящий договор будет сохраняться в тайне. Он не сможет быть сообщен третьей державе ни в целом, ни в частях, не будет обнародован ни в целом, ни в частях иначе как с согласия обеих высоких договаривающихся сторон.

Настоящий договор будет утвержден в возможно скором времени. Обмен утверждениями состоится в Софии (или в Афинах).

В удостоверение чего соответствующие уполномоченные подписали настоящий договор и приложили свои печати.

Составлен в Софии в двух экземплярах 16 мая 1912 г.

Ив. Ев. Гешов.

Д. Панас.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Статья первая не относится к тому именно случаю, если бы война возникла между Турцией и Грецией вследствие принятия в греческий парламент критических депутатов против воли турецкого правительства; в таком случае Болгария обязана только сохранять по отношению Греции благосклонный нейтралитет. И по причине того, что ликвидация кризиса в восточных делах, вытекающего из событий 1909 года, также и в вопросе о Крите согласуется с общим интересом и даже в состоянии, не нарушая равновесия на Балканском [444] полуострове, утвердить, в интересах мира, международное положение, то Болгария (независимо от обязательств, предусмотренных в настоящем договоре) обещает никаким образом не затруднять возможного выступления Греции, клонящегося к разрешению этого вопроса.

Ив. Ев. Гешов.

Д. Панас.

8. Военная конвенция между Болгарией и Грецией

Е. В. Царь Болгар и Е. В. Король Эллинов, желая дополнить военной конвенцией оборонительный союзный договор, заключенный в Софии 16 мая 1912 года между царством Болгарией и королевством Грецией, назначили с этой целью своими уполномоченными:

Его величество царь болгар — его превосходительство г-н Ив. Ев. Гешова и пр. и пр.,

Его величество король Эллинов — его превосходительство г-н Д. Панаса и пр. и пр.

которые, после того как представили свои полномочия, которые оказались в хорошей и надлежащей форме, согласились о следующем:

Ст. 1. В случае, если, согласно обязательствам, вытекающим из оборонительного союзного договора, заключенного в Софии 16 мая 1912 года между Болгарией и Грецией, эта последняя (Греция) вмешается со своей армией против турок в болгаро-турецкой войне, или Болгария против Турции в греко-турецкой войне, то обе державы, греческая и болгарская, обязуются оказывать друг другу взаимное содействие, а именно: Греция эффективом не меньше ста двадцати тысяч солдат и Болгария эффективом не меньше трехсот тысяч солдат; эти силы должны быть готовы как выступить в поход к границе, так и принять участие в военных операциях вне границ народной территории.

Указанные войска должны быть сосредоточены на границе и готовы перейти ее не позже чем на двадцатый [445] день со времени объявления мобилизации или с того времени, когда одной из договаривающихся сторон будет дан знак, что *casus foederis* наступил.

Ст. 2. В случае, если на Грецию нападет Турция, Болгария обязуется объявить войну этой последней и выступить против нее со всеми своими силами, состоящими, согласно ст. 1, не меньше чем из трехсот тысяч душ, причем будет согласовать свои операции с выработанным болгарским Генеральным штабом планом.

В случае, если на Болгарию нападет Турция, Греция обязуется объявить войну этой последней державе и выступить против нее со всеми своими силами, состоящими, согласно ст. 1, не менее чем из ста двадцати тысяч душ, причем будет согласовать свои операции с выработанным греческим Генеральным штабом

планом. Главным объектом греческого флота во всяком случае должно быть то, чтобы он стал хозяином в Эгейском море и чтобы он пересек сообщения на этом пути между Малой Азией и Европейской Турцией.

В случаях, предусмотренных в двух предыдущих параграфах, Болгария обязуется оперировать нападатально существенной частью своей армии против турецких сил, сосредоточенных в областях вилайетов Косовского, Битольского и Солунского. Если Сербия, по силе своих соглашений с Болгарией, примет участие в войне, то Болгария сможет располагать всеми своими силами в Фракии, но в таком случае она примет на себя настоящим договором обязательство по отношению к Греции, чтобы сербские военные силы, в размере не меньше ста двадцати тысяч солдат, оперировали нападатально против турецких сил, сосредоточенных в областях трех упомянутых выше вилайетов.

Ст. 3. Если Болгария и Греция на основании специального соглашения объявят войну Турции, то они обязуются — за исключением того случая, если иначе будет постановлено специальным соглашением, — выставить столько войск, сколько предусмотрено в ст. 1 настоящей конвенции.

Распоряжения двух последних параграфов ст. 2 в этом случае тоже подлежат исполнению. [446]

Ст. 4. В случае, если одно из договаривающихся правительств объявит войну какой-нибудь другой державе, кроме Турции, без предварительного соглашения и без согласия другого правительства, то это последнее освобождается от обязательств, изложенных в ст. 1, но при всем том обязывается сохранять в продолжение целой войны приятельский нейтралитет по отношению к своей союзнице.

Ст. 5. В случае совместной войны ни одна из союзных держав не может заключить перемирия на срок больше 24-х часов без предварительного соглашения и без согласия другой союзной державы.

Нужно будет также согласие обеих договаривающихся сторон, письменно выраженное в соглашении, чтобы одна из них могла начать переговоры о мире или заключить мирный договор.

Ст. 6. В случае, если после того как Болгария и Греция мобилизуют свои войска или после того как начнут войну, Греция окажется принужденной разрешить Критский вопрос согласно желанию населения острова и вследствие этого подвергнется нападению со стороны Турции, Болгария обязывается прийти ей на помощь согласно статье первой настоящей конвенции.

Ст. 7. Начальники болгарского и греческого Генеральных штабов обязываются взаимно и при удобном случае осведомляться, в случае войны, об операционных планах. Обязываются, кроме того, ежегодно ознакомляться с изменениями, внесенными в эти планы по случаю новых обстоятельств.

Ст. 8. Настоящая конвенция вступит в силу для обеих договаривающихся сторон сейчас же после того, как будет подписана; она будет в силе, пока будет в силе оборонительный договор от 16 мая 1912 года, к которому она присоединена в качестве его существенной части.

Составлена в Софии, в двух экземплярах, 22 сентября 1912 года.

Ив. Ев. Гешов.

Генерал *Фичев.*

Д. Панас.

Капитан *Ж. Г. Метаксас.*

Примечания

{1} Вот текст моего заявления о нашей политике по отношению к Турции, сделанного мною в Рушуке, через месяц после того, как я стал у власти: «Эта политика искренна. И так как мы искренне желаем, чтобы она не была призрачной, чтобы она была прочной, чтобы она стала не только политикой нашего

кабинета, но и политикой Болгарии, мы надеемся, что и соседняя с нами империя облегчит нам эту задачу, отзовется на наш призыв и устранил причины, вызывающие недоразумения между нами, и мотивы, возбуждающие общественное мнение в нашей стране. Никакое правительство в парламентарной стране не может бороться против общественного мнения. И будет большим несчастьем, если наша политика миролюбия падет под натиском возбужденного не по нашей вине общественного мнения. В том, в чем не сможем успеть мы, едва ли сможет успеть какое бы то ни было другое болгарское правительство».

А в первой сессии XV Народного Собрания 11 ноября 1911 г. я следующим образом высказался по вопросу о наших отношениях с Турцией: «Спрашивают нас со скамей оппозиции, с кем мы? Отвечаю, что мы со всеми, кто искренне желает мира и кто, желая его искренне, желает и всех условий, необходимых для поддержания этого мира. Высказывается пожелание, чтобы Балканский полуостров был для балканских народов. А эти народы, независимо от того, в каком из балканских государств они живут, желают наслаждаться свободой, человеческими условиями существования, конституционными правами. Мы со всеми, кто желает такого мира. Если и турки желают его и могут гарантировать его в том виде, в каком мы его понимаем, — мы и с ними. Соседи вот уже несколько столетий, тесно связанные с ними народно-экономическими связями, мы искренне желаем поддерживать с ними добрососедские отношения. И мы желаем этого, потому что думаем, что эти отношения повелительно диктуются нам жизненными интересами болгарского народа, как в нашем царстве, так и вне его. И до сегодняшнего дня еще не случилось ничего такого, что разубедило бы нас в этой миролюбивой политике; не случилось ничего, что поколебало бы нас в надежде на то, что и наши соседи сознают, что и они должны вести по отношению к нам совершенно такую же добрососедскую политику. Мы надеемся, что и они, наученные недавними и нынешними испытаниями, из которых — мы хотим верить в это — они выйдут благополучно, что они проникнутся сознанием необходимости создать прежде всего в своих областях такие условия жизни, которые не заставляли бы наших сонародников бежать от них и селиться у нас. Обильный источник зол для болгарского племени и неприятностей для Турецкой Империи — это переселение должно быть прекращено как в ее, так и в наших интересах, потому что оно лишает Македонию и Адрианопольский вилайет населения, заражает беспокойными и озлобленными элементами некоторые наши преимущественно пограничные округа и, следовательно, создает Македонский вопрос на болгарской территории. Если же будут созданы условия, которые положат конец этому чревату опасностями положению, если делами и удовлетворением некоторых наших справедливых требований ответят на многочисленные доказательства нашей миролюбивой политики, данные нами с давних пор и до настоящего времени, то мы можем быть уверены, что будет сделан значительный шаг к умиротворению областей, населенных нашими сонародниками, к умиротворению, которого никто не желает так пламенно, как этот мирный и трудолюбивый болгарский народ, который с таким полным достоинства спокойствием встретил полтора месяца тому назад тревожные известия о какой-то мобилизации на нашей южной границе».

{2} Вот перевод письма и инструкций, данных Асым-беем Наби-бею:

«С давних пор общность интересов Турции и Болгарии серьезно привлекает мое серьезнейшее внимание. Среди идей, к осуществлению которых я стремлюсь, нет другой, которая была бы столь же близка моему сердцу, как улучшение и упрочение турецко-болгарских отношений.

Поэтому прошу Ваше Превосходительство попросить в частном разговоре г-на Гешова определить и детализировать пункты, которые должны были бы быть совместно обсуждаемы в этом порядке мыслей. Зная мою точку зрения, Его Превосходительство не может не знать, чего я ожидаю от его политического такта, от его предусмотрительности и от его приятельского расположения. Вы можете вторично уверить его, что это его приятельское расположение всегда застанет меня искренне готовым воспринять его в том же духе».

Инструкции, данные Наби-бею:

«1. Асым-бей сделает все возможное для разрешения остающихся открытыми вопросов между Царством и Империей, чтобы уменьшить плоскости трения (surfaces de friction) между ними.

2. Существенным условием Асым-бей считает невмешательство обеих сторон в внутреннее управление соседнего государства.

3. Параллельно с этим и тоже в качестве существенного условия: каждая из обеих сторон устроит свое внутреннее управление таким образом, чтобы не давать своим соседям поводов для жалоб, а, наоборот, чтобы удовлетворять их.

4. Обязательство для обеих сторон в течение определенного срока — например 10 лет, — не предпринимать ничего для увеличения их нынешних границ».

{3} Report of the International Commission to inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Published by the Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D. C. 1914. — Enqukte dans les Balkans. Rapport présenté aux Directeurs de la Dotation par les Membres de la Commission d'enqukte. Paris, Centre Européen de la Dotation Carnegie, 24, rue Pierre Curie (Ve), 1914.

{4} *Преступное безумие и анкета о нем*. София, 1914. — В этом моем труде, вызванном критикой моей политики, я доказал, что я был против атаки на Чаталдже, против вступления в Царьград, против возобновления военных действий в начале 1913 г., возобновления, к которому принудил нас младотурецкий переворот 10(23) января. Совет г-на Сазонова против этого возобновления был получен слишком поздно г-ном Даневым, которому мы предписали не прекращать переговоров без согласия представителей Великих Сил. Не я желал, чтобы война из освободительной стала завоевательной, как желали этого некоторые наши националисты и какой сделали ее сербские и греческие шовинисты. Г-н Милюков может быть мне свидетелем, как он писал еще 4 октября 1913 г. в «Речи», что 5 января 1913 г. я говорил ему, что, по моему мнению, Солунь следует уступить Греции. 21 марта того же года, в заседании министерского совета под председательством царя, я настоял на том, чтобы арбитражу был подвергнут и наш спор с Грецией. В моей книге я привожу доказательства того, что не наша партия и не я виновны в том, что пропало постановление, которое было тогда принято и на исполнении которого мы настаивали до конца. Упреки в том, что мы колебались в своей политике, что мы медлили и откладывали, неосновательны. Мы никоим образом не могли вести с сербами переговоров об исправлении условленной в договоре границы. Хотя, и согласно нашему с ними договору, и по советам России, мы должны были ждать подписания мира с Турцией и только после этого приступить к ликвидации приобретений, мы еще в апреле месяце обратились к русскому правительству с просьбой приступить к арбитражу. И из его Оранжевой Книги ясно видно, почему оно не могло сделать этого. В совершенно исключительный период народной жизни, когда, после блестящих успехов болгарской армии, умеренность не была популярной, я старался не уклоняться от той умеренности, которая, по моему мнению, была единственной спасительной для Болгарии политикой. И если неумеренные советовали и совершили преступное безумие 16 июня 1913 года, то ни одно слово, ни одно дело из всей моей политики не может послужить им оправданием.

{5} Нет ничего более назидательного, чем то, что по данному вопросу приводит в своем рапорте комиссия Карнеги. Ужасен режим бесправия, при котором живут теперь македонские болгары, ужасен тот способ, которым они лишились церковной и училищной автономии.
